

У

крывшись в распадке под тенью деревьев, бойцы мотострелковой части уже несколько часов ждали команды к наступлению. Неподалеку на высоте расположился командный пункт. Отсюда Грозный виден во всех подробностях. В городе шли бои, он словно кипел в огненном котле.

Нервно ожидая звонка от комбата, замкомандира роты старший лейтенант Галимов не выпускал из рук бинокль. Лишь ближе к вечеру поступил приказ взять населенный пункт возле города.

Сдирая травяной покров, БТРы сорвались с места и, обогнув холм, выскочили на окраину села. Боевики были застигнуты врасплох, и в первые минуты боя большая их часть была уничтожена. Оставшиеся в живых отступили. Бой с ними затянулся до темноты. Сумерки со свистом разрезали цепочки трассеров, из лощины, перепахивая сады, без устали ухали минометы. Перегородив дорогу, догорали в чаду два БТРа.

Боевики отчаянно сопротивлялись, пытаясь удержать высоту, но когда с флангов, наконец, ударил спецназ, банда дрогнула. Стрельба прекратилась. Село взяли в кольцо и начали зачистку. За развалинами крайнего дома обнаружили убитых боевиками пленных десантников.

Когда доложили, что сектор чист, рассредоточились по позициям в ожидании нового приказа. Канонада в Грозном смолкла, и наступило затишье, такое непривычное, но оно скорее настораживало, чем радовало.

Объявили сбор офицерского состава, затем общее построение, на котором Галимов распорядился выставить посты и разбить лагерь. Пока окапывались и раскидывали палатки, изрядно вымотались. Едкий пот сбежал по спине, насквозь пропитывая полевку. В такие минуты невольно позавидуешь ребятам из боевого охранения, стой себе да глазами, хотя есть и другая сторона — случись чего, с ходу схватишь пулю.

Когда под сводом армейской палатки первого взвода загорелся фонарь, было уже далеко за полночь. После команды «отбой» остались пустовать две койки, особого значения этому никто не придавал, думали, что ребята в боевом охранении, однако когда, откинув полог, заглянул командир и тихо произнес: «Вещи Дымова и Глушкова на вынос!» — забеспокоились.

Коренастый паренек Сергей Жаров, отыскивая среди сваленного у входа бутора вещмешки с фамилиями на бирках, не удержавшись, спросил:

— Что с ними, товарищ командир?

Старший лейтенант и не думал отвечать на вопрос, но в воцарившейся тишине под пытливыми взглядами бойцов решил отступить от правил:

— Двухсотые.

У рядового Михаила Стрельникова этот бой был уже третьим, и до настоящего момента он не сталкивался со смертью, может, именно поэтому осознание того, что нет в живых двоих из их взвода, дошло до него только сейчас, после слов командира. На какое-то время все смолкли. Каждый по-своему отнесся к этому известию, и лишь Жаров, подвесив в углу иконку, шепотом прочел молитву и погасил свет.

С трудом стянув сапоги, что плотно стягивали отекавшие ступни, Стрельников с облегчением вздохнул. За короткое время в Чечне он свыкся с войной, о которой здесь говорили обыденно, и научился ценить простые вещи, о которых раньше на гражданке даже не задумывался. К примеру, это ощущение, когда без сил от усталости валишься на кровать и на несколько часов словно срываешься в пропасть, напрочь отключаясь от всего, что тебя окружает. И совершенно не важно, будет ли это у печки в теплой палатке или на камнях в холодном ущелье. Вот и сейчас, едва Мишка улегся, сон завладел сознанием, увлекая в глубину абсолютного покоя. Ему приснились долговязый и нерасторопный Валек Дымов с его постоянным «шо» и никогда не унывающий весельчак Генка Глушков. Снилось, как они в полной амуниции запрыгнули на броню БТРа и умчались прочь.

«Обманул командир! Живы пацаны!..»

Стрельников проснулся. Воздух в палатке за ночь напитался запахом пота и портянок. Прихватив автомат, он сунулся к выходу. Свежий воздух окончательно прогнал сон.

Пышный, будто взбитая перина, туман прохладой спустился в низину на луга. И казалось, будто в этой жизни, наполненной гармонией, не было войны, не было смертей и отравляющей душу ненависти к врагу. Мишку вдруг охватило смятение: на мгновение почудилось, что он снова дома, в родном поселке. Мишка вздрогнул, рука сама потянулась к нагрудному карману, где лежало письмо от мамы. Он помнил наизусть каждую строчку, но всякий раз разворачивая листок, с волнением перечитывал вновь и вновь.

— Старатель! — донесся до Стрельникова чей-то приглушенно сипловатый голос. Мишка огляделся. На углу раскуроченного взрывом дома он увидел сержанта. Воровато озираясь по сторонам, тот махал рукой в свою сторону, мол, сюда иди! Мишка хорошо знал Чибисова, заносчивого дембеля из второго взвода, поэтому не спешил нестись к нему на всех парах. Аккуратно сложив конверт, он заправил куртку под ремень и развалистым шагом направился к сержанту. Старослужащего раздражала такая нерасторопность бойца, он едва сдерживался, чтобы не выплеснуть весь боезапас своего особого красноречия. Наскоро добив сигарету, сержант метнул окурок в пустой проем окна и скривился в недовольной гримасе:

— Душара, сокращайся живее!

Словно гусь вытянув длинную шею, Чибисов еще раз окинул взглядом расположение части и сухо бросил:

— Давай за мной.

На заднем дворе, устланном битым кирпичом и шифером, их поджидали еще двое старослужащих. Личности малоприятные, с которыми у Стрельникова сложились довольно натянутые взаимоотношения.

— Чего звали? — напрягся Мишка, предвкушая далеко не дружескую беседу.

Сержант присел, молча достал из голенища сапога пистолет с глушителем и передернул затвор. Услышав щелчок, Чибисов поднял взгляд и остолбенел: прямо ему в лицо смотрел ствол автомата.

— Чего звали? — повторил вопрос Мишка. Сержант явно не ожидал такого поворота событий, поэтому поспешил разрядить обстановку:

— Спокуха, старатель! Не кишишуй, не в тебе речь. Назад глянь.

Парень повернулся. У стены, зияющей выбоинами от пуль и осколков, испуганно переминался с ноги на ногу босой мальчишка лет двенадцати. На нем мешковато висел темно-зеленый свитер и серые короткие шаровары.

— Это кто? — в недоумении покосился боец на «дедов».

— С утра за нами пасет, сучоныш! — прикуривая, пояснил Чибисов и протянул Мишке ствол. — Давай, кончай его! Не дрейфи, шпалер трофейный. Ни одна экспертиза следов не отыщет! Ну чего, слабо? А ты для верочки на стену глянь, видишь багровые подтеки? Вчера здесь пленных ребят из ВДВ, как баранов, освежали. Не видел трупы? А я видел! Зрелище не для слабонервных! Может, этот сучонок их и заложил старшим братьям...

— Хочешь как они? — перебил помпезную речь сержанта Стрельников, — безоружных, связанных? Только тогда ответь мне, чем мы лучше их?

Мишка сделал шаг назад и кивнул перепуганному мальчишке:

— Иди отсюда!

Мальчик дернулся было, но тут же осекся. Двое здоровяков дембелей перегородили ему дорогу.

— Дайте ему пройти! — настойчиво потребовал Стрельников и для пущей убедительности потянул на себя затвор автомата. «Деды» слегка опешили, но, оценивая ситуацию, которая явно вышла из-под контроля, осмотрительно отошли в сторону. Мальчишка мгновенно сорвался с места и, легко перемахнув через каким-то чудом уцелевшую ограду, словно растворился.

— Пожалел мальчонку? — ухмыльнулся Чибисов и, поставив пистолет на предохранитель, демонстративно вынул из рукоятки пустой магазин:

— Не прошел ты экзамен, старатель! Ты че, в натуре думал, что мы настолько отмороженные?

— Ладно, Чибис! Оставь его! — с досадой отмахнулся приятель сержанта и, презрительно плюнув под ноги, пошел к БТрам. Тихо насвистывая, за ним потянулся и второй.

— Эй, вы чего там делаете? Кто разрешил? — прикрикнул на бойцов Галимов. — А ну давайте сюда, вас что, приказ командира не касается?

— Да идем уже, идем, товарищ старший лейтенант, — прикусив сигарету, отозвался сержант и, шаркая сапогами, вальяжно поковылял к лагерю.

Михаил Стрельников призвался полгода назад из небольшого поселка в Якутии, где еще в сороковых советская власть основала золотоносный прииск. Отец работал бригадиром старательской артели, на каникулах и Мишка не отставал, рабочим шел в его бригаду. Работенка не из легких, тут мужику жилы рвать, а не подростку. Однако характер у парня был отцовский, не в их Стрельниковской породе было на трудности жаловаться. После девятого класса предложили обучиться работе на бульдозере. По нраву пришлась парню техника, запах соляры и масла, что въедался в робу, грохот гусениц и скрежет породы о мощный отвал. А вечером, за ужином — жаркие споры старателей, где уже и Мишка мог свое слово вставить наравне с другими. По осени, как пришло время, он и в военкомат сам явился, хотел в танковую часть, однако на сборном пункте определили его в мотострелковую бригаду. Так Мишка попал в Таджикистан, а через три месяца их передислоцировали в Чечню. В части деды первым делом: кто и что? Мишка парень простой: старатель, мол, с Севера! Так и зацепилось за ним — «старатель». Пытались сержанты новичка под себя подмять, завели в туалет — на, мол, носки простирни, душара, а тот словно дикий — в драку. Насилу успокоили, думали, все, а он им — если тронете, ночью завалю. Дембеля посмеялись, однако выводы сделали и от Мишки отстали. Даже Чибисов Андрей, один из самых отъявленных дедов, поутих, хотя нет-нет да давал понять, кто здесь хозяин положения. Вот и сейчас эта затея с проверкой, наверняка, его идея.

Сам Чибисов без колебаний мог бы в мальчишку обойму разрядить. Он за год войны насмотрелся на зверства боевиков и потому ни жалости, ни сострадания в его зачерствевшей душе не осталось, а последние события лишь добавили ненависти. Неделю назад на переходе обстреляли колонну, двое погибли, оба саратовские ребята, дембеля, с учебки с Чибисом! Всю войну прошли, тем утром еще домой собирались, а вечером отправили цинком. Вот Чибис и взбесился, озверел, для него все кругом были боевиками и террористами.

— Вы чего там делали? — грозно рявкнул Галимов. Не дождавшись от бойцов вразумительного ответа, он проскочил к дому и, осмотревшись, пригрозил Чибисову:

— Смотри, Андрей, как бы не пришлось тебе вместо дембеля на дизель или в зону ехать! Домой скоро, а тебе все нейдет! Ну а ты-то куда, Стрельников? — повернулся старлей к Мишке.

— Товарищ старший лейтенант, там слива большая, спелая, вот меня и позвали, чтоб залез, надергал!

— Ну и как? Надергал?

— Никак нет, не успел, вы же позвали!

— Шагай, давай! Сливы у них крупные! Не забыл, тебе сегодня ночью в боевое, разрешаю отдохнуть. Все, свободен.

Поднимая клубы пыли, из-за косогора вылетел УАЗ, покрытый плотным слоем коричневой грязи. Петляя меж палаток, он пронесся по избитой ухабами дороге и резко затормозил у БТРов. Смуглый офицер в выцветшей афганке и кепке, натянутой до бровей, соскочил на ходу и громко окликнул Галимова:

— Сашка? Галимов?

Старлей обернулся, на его загорелом лице заиграла улыбка:

— Генка, Суровцев, живой! Видел, как вас утюжили!

— Было дело! — кивнул в ответ Геннадий. — Смотрю, и вы не прохлаждались!

Галимов по-дружески крепко обнял гостя:

— Рад тебя видеть, братишка! Пошли ко мне в палатку, поболтаем, закусим!

— Сейчас не могу. Я, собственно, по делу к тебе, узнал от наших, что ты здесь базируешься, думаю, не откажешь. Мне ребят вывезти надо.

— Двухсотые?

— Да.

— Много?

— Не то слово. Мне бы пару бойцов, на час-два. Вчера моих пацанов почти всех положило, надо их... я, конечно, мог бы и своими силами, но те, кто в живых остался, сам понимаешь!

— Скворцов... Стрельников... Жаров! — крикнул Галимов. — Ко мне! Поедете со старшим лейтенантом, поможете, это ненадолго.

— Час делов, парни! — утвердительно кивнул старлей.

Бойцы примостились на заднем сиденье, и УАЗ, развернувшись, помчался в сторону Грозного. Город стоял в руинах, безмолвно созерцая происходящее пустыми глазницами окон. Воздух пропитался тяжелым запахом гари и копоти, просочившись в кабину, он щекотал ноздри и маслянистой горечью оседал на языке. Мимо, со скрежетом врезаясь гусеницами в асфальт, грузно проползали многотонные Т-80, вереницей тянулись БМД с десантниками на броне. Вдоль дороги, едва удерживая строй, шагали солдаты, спешили за город беженцы. Перепуганные собаки тыкались в ноги, вконец отчаявшись отыскать своих хозяев. Вся эта суматоха напомнила Мишке кадры из старых кинофильмов про войну, что крутили в поселковом клубе.

УАЗ свернул в проулок, ворчливо петляя меж выбоин в бетонке, проехал пару кварталов и тормознул у многоэтажек.

Старлей достал из бардачка походную кружку, наполнил до краев спиртом из фляжки и подал ребятам:

— Глотните, бойцы! Давайте, давайте, сегодня можно, это для дела. Там, за седушкой, яблоки, сливы... не стесняйтесь, берите, закусывайте!

Немного погодя, старлей продолжил:

— Отсюда придется добираться дальше пешком. Там, за первой пятиэтажкой, шестьдесят шестой тентовый, на нашей трахоме к нему не пробиться, выдвигайтесь вперед, а я следом.

В желудке у солдат приятно загло, спирт теплом растекся по всему телу и слегка задурманил голову. Миновав гряду сгоревших гаражей, повернули во двор. ГАЗ-66 цвета хаки стоял у крайнего подъезда. Бойцы ускорились, но, едва поравнявшись с техникой, остолбенели. Два десятка обезображенных трупов лежали на клумбе у парадной.

— Чего встали? — встряхнул бойцов старлей. — Ребят надо домой отправить! Мои бойцы тут двое суток оборонялись, едва на ногах стоят, кого смогли, того вынесли!

Из кабины выскочил сухощавый прапорщик и постучал по стеклу циферблата:

— Время, товарищ старший лейтенант!

— Успеем, Паршин, танкисты обещали подъезд расчистить, не придется мотылять кругалями. Документы собрал?

— Так точно.

— Откуда пацаны?

— Ставрополье. Ростов-на-Дону.

— Какой призыв?

— Только из дома, можно сказать.

— Совсем еще зеленые. Здесь все?

Прапорщик, искоса глянув на командира, достал из кармана мятую пачку «тушки» и, зацепив зубами сигарету, кивнул в сторону соседнего дома:

— Оттуда ребят еще не вынесли.

— Много там?

— Семеро! — Прикуривая, прапорщик добавил — С первого и второго подъезда сняли, в третьем остались.

— Бойцы! — обратился лейтенант к солдатам. — Зачистку после боя провели, но чем черт не шутит, будьте внимательнее.

Осторожно ступая, вошли в подъезд. Из черного проема подвала потянуло сыростью, где-то в темноте, разбиваясь о цемент, бежала вода и гулким эхом отзывалась в пустоте. Солдаты двинулись наверх, вдоль испещренных следами пуль и осколков стен.

Троих ребят, вероятно, погибших от взрыва гранаты, нашли у окна на втором этаже. Их лица и тела были изуродованы осколками. Еще двоих отыскали в соседней квартире, у обоих — пулевые ранения в грудь и шею. Этажом выше, на лестничной клетке, залитой кровью, запрокинув голову, лежал солдат без ноги. Поднявшись по ступеням, наткнулись на труп совсем еще юного паренька. Он сидел, прислонившись к стене, его лицо сохраняло невероятное спокойствие, как будто перед смертью солдат увидел ангела. Остекленевший взгляд устремлен на открытку, зажатую в руке. Жаров с трудом взял ее из заколеченных пальцев. С фотографии застенчиво улыбалась молоденькая девушка с большими черными глазами. На оборотной стороне старательно выведено:

«Виталику от его маленькой Вики! Возвращайся скорее, мой любимый солдат!!! Город Аксай».

Впервые Мишка осознал всю ценность дарованной ему жизни. Вот они — его ровесники. Кто-то, может, и младше. Еще вчера их провожали родители, плакали и клялись дождаться девушки, а сегодня вдали от цветущих садов и родных станиц их безжизненные тела запаляют в цинк и отправят грузом двести. Зачем и кому нужна эта война?

Мишка брал солдат под руки как можно аккуратнее, казалось, что он все еще может причинить им боль. Он старался не смотреть им в лица, лишь иногда его взгляд случайно падал на бойцов с открытыми глазами, в которых застыли страх и отчаяние.

Когда груженный двухсотыми шестьдесят шестой выехал со двора, старлей подозвал солдат к уцелевшей детской площадке. На столике стояли стаканы со спиртом, открытая банка свиной тушенки.

— Помянем парней.

Обратно ехали молча, никто за всю дорогу и слова не проронил. О чем думали эти мальчишки? Может, как скорее вернуться домой, а может, что-

бы быстрее закончилась эта война. Наверняка, каждый гнал от себя мысли о том, что завтра такие же рядовые бойцы загрузят в кузов его окровавленное тело и, помянув добрым словом, опрокинут горькую за упокой.

Когда стемнело, Стрельников заступил в боевое охранение. Перед глазами вновь и вновь всплывал остекленевший взгляд паренька, девушка с фотографии, ее застенчивая улыбка и с любовью выведенная незатейливая надпись.

Ближе к полуночи небо прояснилось, а с седых вершин повеяло холодом. Мишка накинул бушлат и, укрывшись под кроной ветвистого дерева от тусклых бликов молодой луны, что предательски освещала землю, стал вглядываться в темные очертания. В ночной тиши до слуха донеслось едва уловимое дыхание и осторожные шаги. Мишка присел на колени и вскинул автомат:

— Стой! Стреляю!

— Не стреляйте, пожалуйста! — отозвался дрожащий детский голосок. Мишка отошел к стене и, растворившись в гуще листвы, крепче вдавил приклад в плечо.

Два силуэта словно окаменели. Они неподвижно стояли, не произнося ни слова, пока луна не осветила их лица. Это были девочки. Старшей лет девять, младшей семь, может, восемь.

— Чего хотели? — не выходя из укрытия, спросил Стрельников.

— Ты сегодня нашего брата спас. Мама тебе просила спасибо сказать, слив отправила и козьего сыра! — ответила та, что поменьше и опустила на землю плетеную корзину.

— Спасибо, — смутился Мишка. — Только я ведь его не спас, просто помог! Чтоб с ним не случилось чего!

— Нет, — возразила старшая, — многие русские солдаты плохие! А ты не такой, ты чеченца отпустил!

— Ладно! Не чеченца я отпустил, понятно, а мальчика, простого мальчика, — старался как можно тише говорить Мишка. — Идите домой, а то, наверно, родители вас заждались...

* * *

— Молодой человек! Пристегнитесь! — тронула Мишку за плечо симпатичная блондинка в синей пилотке, поправляя роскошную прическу. Стрельников открыл глаза и, увидев перед собой высокую грудь стюардессы, стыдливо смутился.

— Садимся, солдатик! — улыбнулась девушка и, одернув блузку, сыпанула ему в ладонь горсть леденцов.

— На побывку?

— Дембель! — гордо ответил Мишка и повернулся к иллюминатору. За стеклом в легкой дымке облаков показались зеленые сопки, и лента полноводной реки ослепительно заиграла в лучах солнца.

Самолет, как бы коснувшись крылом горизонта, сделал круг и резко пошел на снижение. Минута, другая, шасси уверенно коснулись земли. Сердце сжалось в груди у Мишки: «Неужели дома?»

Пассажиров пригласили к выходу. Стрельников вытянул из-под кресла сумку и направился к трапу.

Вот она, родная земля!

Аэропорт не изменился, все та же взлетная полоса и небольшой выцветший одноэтажный аэровокзал. Миновал зону досмотра, он вышел на

привокзальную площадку. Радостные крики раздались со всех сторон. Его встречали друзья, девчонки и родители.

— У-у-у! — будто бешеный заорал Лешка Захаров и бросился Мишке на шею. — Братуха! С возвращением!

За спиной выстрелила бутылка шампанского, и сладкие брызги разлетелись в стороны. Встречающие закричали «ура!» и принялись обнимать сержанта в особой щегольски расшитой дембельской форме, на которую ему пришлось потратить не одну неделю.

Перекрикивая гул односельчан, Леха обернулся к ликующей толпе:

— Доставай стаканы, наливай! И вообще, дайте дембелю сначала с родителями обняться!

Отец крепко обхватил Мишку руками и прижал к себе.

— С возвращением, сынок!

— Мамочка! — взглянул Мишка на невысокую женщину, что неловко отворачиваясь в сторону, украдкой смахивала слезы. — Ты что плачешь? Я же живой! Всю войну прошел и ни одной царапины.

— Мишенька, родненький, — бросилась женщина на грудь сыну и, не удержавшись, разревелась.

— Ну ладно, мам! Чего ты? — успокаивал Мишка мать, а у самого будто ком встал в горле. — Вот же я, живой!

— Да я, сынок, от радости!

— Ну, что стоим-то! Дома стол накрыт, а ну по машинам! — махнул рукой отец. — Нам еще час трястись!

Мишка безумно соскучился по дому. После палаток, холодных казарм и ночевка в окопах было так хорошо и уютно в родительской квартире.

— Попрошу тишины! — поднялся отец. — Всех прошу наполнить тару!

За столом стихли. Слышно было, как разливают по стопкам водку и накладывают закуску.

— Ну, что хочу сказать, я рад, сынок, что ты вернулся домой, живой и здоровый! Вернулся не тем мальчишкой, каким тебя провожали, а мужчиной! Ты отдал долг своей родине, и теперь, как говорится, долгов у тебя нет! А значит, за новую жизнь!

— Ура! — дружно закричали за столом.

— Ну как там, братуха? — подсел к Мишке Алексей.

Тот налил себе стопку и, осушив до дна, взглянул на друга:

— Хреново там, Леха!

— Ну, не хочешь, не рассказывай, — пожал плечами Захаров.

— Да ладно! Ты сам-то как? — толкнул друга Стрельников.

— Нормально, работаю в бригаде Милькова, деньги платят. На жизнь хватает. А так в целом... Народ разъезжается кто куда, поговаривают, хотя бы закрывать наш поселок, дешевле вахтами заезжать.

— Слушай, а как там Валюха, ты последние пару месяцев ничего про нее не писал, и сейчас ее нет.

— Потому и не писал, что нечего писать! Сам же видишь, нет ее! Чего еще надо. Замуж она вышла, почти сразу, как ты ушел.

— Понятно, — плеснул себе в стопку Мишка и, опрокинув очередную, громко крикнул:

— Чего сидим?! Гуляй, народ, солдат вернулся!

У-у! — завизжали девчонки, и водка с шампанским полилась по стаканам. Мишка смеялся, а Лешка все подливал ему и подливал, пока тот окончательно не захмелел и не заснул, положив голову на стол...

— Отходи за БТР! — бешено орал во сне Галимов. Солдаты метнулись к технике. Один из них поскользнулся и припал на колено, в этот самый момент прогремел взрыв, парню оторвало руку, он завопил так громко, что, казалось, заглушил гул автоматной стрельбы, однако тут же вскочил и побежал дальше, но всего в нескольких шагах от спасительного укрытия две очереди настигли его. Остальные, кто успел добраться до БТРа, начали отстреливаться.

— Сука! — закричал Жаров. Он поднялся, но едва успел пристегнуть магазин, как воздух рассек протяжный вой, и совсем рядом разорвался снаряд, бронетранспортер вздрогнул и загорелся, Жарова отбросило метра на три, и его камуфляж в одно мгновение покрылся бурными пятнами, он даже не успел крикнуть, просто лежал и дергался в конвульсиях в луже собственной крови...

— Сыночек. Сына! — тормозила Мишку перепуганная мать. — Ты чего кричишь-то так страшно! Мы с отцом перепугались.

Мишка сел на кровати, весь мокрый от пота, будто после марш-броска.

— Это так мам... — пробурчал он... — Перебрал слегка, вот и снится всякая хрень! Да вы спите, не обращайтесь внимания. Я сейчас в душ, сполоснусь, и все в порядке будет.

После душа Мишка так и не смог заснуть. Пошел в зал и присел к столу. Налил водки, выпил и, не закусывая, закурил.

— Не спится? — заглянул отец. — Не возражаешь, если я присоединюсь?

Мишка выдавил улыбку.

— Ну что ты, пап?

Он налил отцу, потом себе.

— Давай, пап, за вас с мамой.

Оба молча выпили.

— Что, сына? Несладко там было? — неожиданно спросил отец, но тут же осекся. — Ну если тебе не хочется говорить, можешь не отвечать.

— Не хочу, папа! Прости. — Мишка отвел взгляд. — Я забыть все хочу. Вообще все забыть.

— Ну и хорошо! Все забудется, время лечит, сынок. Чего пригорюнился, давай, разливай.

— А тебе чего, не на работу завтра?

— Я за себя человека оставил, ты, наверное, забыл, у меня сын из армии вернулся...

Утром заявился Лешка. Он бесцеремонно прошел на кухню, по-своему достал из холодильника салат и колбасу.

— Сегодня отпросился, верней, вчера на сегодня. Мильков даже возражать не стал. Слушай, тут у ребят предложение, давай на хариуса рванем, а вечером на дискотеку! Сейчас вода уже холодная, пацаны на разведку мотались, говорят, хариуса тьма!

— А чо, дело! — поддержал Лешу Стрельников. — Давай на батином УАЗе! А куда поедем?

— На камни! Туда сейчас дорога нормальная, проехать можно вслепую!

— А что на кривулю?

— О, ты же не знаешь! Да ее всю перемыли, там сейчас не то что хариус, гальян не ходит!

— Ну, что сидим? Поперли!..

Место на камнях было сказочное, река до блеска отшлифовала подножие отвесной скалы и, бурунами перекатываясь через валуны, шумно убегала вниз. Вода здесь удивительно чистая, как горный хрусталь. В некоторых ямах, где она застаивается, для хариуса самое раздолье.

Пока трое друзей с азартом вытягивали рыбу, Лешка с Мишкой развели костер и, подтащив чурки, организовали стол.

— Хариус под водочку — это что-то. Ты-то небось там тушенкой закусывал!

— Когда как, бывало, тушенкой, а бывало, и фруктами. Я ребятам из своей роты рассказывал про наши места, знаешь, завидовали.

— Да ты чо? Чему завидовать-то? У нас ведь абрикосы со сливами не растут.

— Да дело не в сливах....

— Ты изменился, братуха. Какой-то другой стал. Вроде вот рядом сидишь, а сам как будто не здесь.

— Да брось! — улыбнулся Миша и похлопал друга по плечу. — Все нормально.

— А вот и хариус! — закричали ребята, потряхивая рыбой.

— О-о! — потер руки Леха и толкнул локтем Мишку. — Давай разливай...

Вечером пошли на дискотеку в ДК. Когда зашли в зал, Леха протиснулся к диджею и вырубил музыку. Яркий луч скользнул по стенам и осветил сцену, на которой появился Захаров. Вскинув вверх руки, он заорал на весь танцпол:

— Эй, поселок! Встречай, родина, своих сынов! Мишка Стрелок на дембель вернулся в родные края!

Зал взорвался криками и рукоплесканиями. Все бросились к Мишке. Парни обнимали, девчонки вешались на шею и по-дружески целовали в щеку.

— Дорогие друзья! — раздался голос диджея. — А сейчас для нашего односельчанина, который вернулся с войны с боевиками, прозвучит песня «И снова я в армии» в исполнении группы «Статус Кво».

В зале зашумели, а Мишку потянули к столу. Он даже не успел сообразить, как ему всучили в руки стакан, а на коленях пристроилась длинноволосая блондинка с дурманящим ароматом сладких духов.

— На брудершафт, — прильнула она к Мишке.

— Да легко!

— И снова для нашего земляка Михаила, вернувшегося с войны, звучит медленная композиция! — опять объявил знакомый голос. По стенам побежали блестящие огоньки, и девчонка шепнула на ухо:

— Пойдем, потанцуем!

Мишка не противился. Аромат ее духов магически притягивал. Он обхватил незнакомку за талию и повел в медленном танце.

— А ты что, не местная? Что-то я тебя раньше не видел.

— Спасибо, Миша! Я Сотник Галя, на три класса младше тебя училась.

— Да ты что? Ничего себе, а я тебя совсем девчонкой помню.

— Конечно, ты же даже не смотрел в мою сторону, за Валькой Позниковой ухлестывал. Она, кстати, за Сережку Горчака замуж вышла.

— Знаю, — отвел взгляд Мишка, — давай не будем об этом.

— Как скажешь. Потанцуем, пошли в бар? Выпьем чего-нибудь, я угощаю!

У стойки выпили коньяку, завязалась дружеская беседа, вспомнили школу, учителей. И тут Мишка заметил, как вокруг неожиданно расступились люди и к стойке бесцеремонно подошли трое крепких парней. Они смеялись и нагло шутили.

— А это кто такие? — кивнул Мишка в сторону троицы.

— Здоровяк Аркаша Троицкий, — не оборачиваясь, произнесла девушка. — Освободился недавно. Житья от него нету. Чуть что, за нож. Знаешь, сколько ребят порезал. Просто никто не заявляет на него, боится.

— А с ним кто?

— Ромка Уфимцев и Жора Богдан! Ромка наш, ты его помнишь, на два года старше учился. А Жора приезжий, у Милькова в бригаде работает.

— А чо они так наглеют? Раньше у нас так себя не вели.

— Сейчас все изменилось. Они здесь творят, что хотят. Только Лешку Захарова не трогают и брата его Валерку.

— Это почему?

— Дядю Валеру боятся, отца Лешкиного, он тоже сидел и за Лешку, если что, порвет.

— Эй, красавица! Убери свой зад! — бесцеремонно обратился Аркадий к Галине.

— Извинись! — негромко, но жестко потребовал Стрельников. Аркадий ухмыльнулся:

— Отдыхай, парень, бери свою сучку и дергай.

— Миша, пошли, пошли отсюда, — уговаривала девушка Михайла. — Не связывайся. Все нормально, пошли.

— Во-во, послушай подружку! — настоятельно посоветовал Аркадий. — Если чем-то недоволен, говори. Выйдем побазарим. Тебе скидка. Ты, смотрю, не местный. Поэтому сильно бить не будем. Так, поучим!

— Зачем же выходить? — улыбнулся Мишка и отстранил девушку.

Его ответ был жестким. Первый удар прилетел Аркадию в пах, он ойкнул от неожиданности и, схватившись за причинное место, скрючился. Не давая обидчику опомниться, Стрельников схватил его за ворот и резко ударил лицом о стойку.

— Ах ты сучонок! — услышал Мишка сзади и, мгновенно развернувшись, в прыжке нанес удар головой в лицо Жорику. Кажется, нокдаун. Третий, Ромка, оценил качество отечественного производства, когда ему на голову прилетел железный барный стул. Ромка закатил глаза и, цепляясь за воздух, повалился на спину. Молодежь не ожидала, что так быстро среднего телосложения паренек расправится с тремя крепкими мужиками, старшему из которых было далеко за тридцать.

— Ты труп! — закричал Аркадий и бросился на Мишку. Стрельников двумя крепкими встречными сбил его ног. Тот даже не успел опомниться, как Мишка уже сидел сверху и бешено обрабатывал его.

Пока третий катался по полу, схватившись за голову, второй, шатаясь, кинулся на Мишку сзади.

Лешка преградил ему дорогу, нахернул с локтя и, ухватив друга за руку, оттащил в сторону.

— Валим отсюда, Миха! Ты чего, спятил! Бежим! Сейчас здесь менты будут.

Друзья выскочили на улицу и нырнули в темноту. За их спинами завывали сирены милицейского УАЗа, но они ушли дворами.

В переулке остановились отдышаться. Над головой раскачивался тусклый уличный фонарь, в свете которого кружили ночные мотыльки. Леха сунул руку под куртку и глухо простонал:

— Вот сволочь! Все же успел зацепить.

— Ты чего, Леха? — обеспокоенно спросил Мишка, но, увидев бурые пятна на светлой ветровке, крепко сжал зубы: — Все будет хорошо, с пулей в кишках выкарабкавались!

Мишка подхватил друга на руки и кинулся в сторону больницы.

Пока Захаров лежал в операционной, Мишка сидел на кушетке, обхватив голову руками. С Лешкой они дружили с детства. Многие завидовали таким искренним и честным отношениям. В любых переделках друзья всегда были вместе, ни у кого из них и в мыслях не было, что можно бросить друга в трудную минуту.

— Что с ним? — вцепилась в Стрельникова мать Лешки. Мишка пристал и виновато потупил взгляд.

— Врач сказал, рана глубокая, но органы не задеты.

— Слава богу! — выдохнула женщина и присела рядом с Михаилом. — Лишь бы Валерка старший ничего не узнал. На разборки примчится, дров наломает сгоряча — и опять в тюрьму.

Спустя минут десять из операционной вышел высокий седой хирург и, глянув на взволнованную женщину, обнадеживающе улыбнулся:

— Все хорошо, Нина Олеговна, идите домой, отдохайте. К нему сейчас нельзя. Завтра приходите.

У дверей больницы Мишка заметил, что светлые джинсы и рубаха испачканы Лешкиной кровью.

— Тетя Нина, а можно я у вас переночую? Не хочу в таком виде родителей пугать.

— Конечно, Миша, зачем спрашиваешь, — улыбнулась женщина. — Пошли, до утра все равно не усну.

Мать Алексея, Нина Олеговна, была женщиной невысокого роста, всегда сдержанная и терпеливая. Работала она на прииске горным инженером. Когда муж несколько лет назад сидел в тюрьме, ей одной пришлось воспитывать двух своих мальчишек, за что Мишка и проникся к ней глубоким уважением.

У Захаровых в квартире за два года ничего не изменилось. Нина Олеговна постелила ему в Лешкиной комнате, там, где он не раз оставался, когда его опускали родители. Развесив в ванной постиранную одежду, Мишка завалился на кровать и сразу же уснул...

На БТРе с грохотом откинулся люк. В густом дыму, вырвавшемся наружу, показался человек в горящем комбинезоне. Шлема на нем не было, волосы оплавилась, пытаясь освободить легкие от тяжелой копоти, он захлебывался в безудержной кашле. Мужчина скатился с машины на землю прямо под ноги Мишке. Стрельников сорвал бушлат, сбил огонь, но тут же отвернулся, не в силах смотреть, как, пузырясь и лопаясь, шипит кожа на лопатках. Военный был сильно контужен, потому и не слышал ни свиста пуль, ни рвущихся минометных снарядов, осколки которых рикошетили от брони. Он все порывался подняться и бежать. Мишка удерживал его, но мужчина все же вырвался, и едва он выскочил за БТР, как его голову размозжила СВДешная пуля...

— Миша! Миша! — донесся сквозь сон знакомый голос. Мишка открыл глаза. Рядом сидела тетя Нина и встревоженно заглядывала ему в лицо. — Что с тобой! Ты то стонал, то кричал, будто в атаку шел. Вон смотри, мокрый весь, может, жар у тебя? Я сейчас брусничного морса сварю, все как рукой снимет. А ты пока в ванну сходи, сполоснись побыстрому.

Мишка принял душ и прошел на кухню. Нина Олеговна курила у открытого окна, на плите ворчала кастрюля с брусникой.

— Можно, я с вами побуду? — неловко присаживаясь к столу, спросил Мишка. Женщина сдержанно кивнула:

— Что, Миша, посмотрелся там на смерть? Теперь она тебе проходу не дает?

Парень опустил голову:

— Не дает, тетя Нин, два месяца один и тот же сон. Как наяву вижу наш последний бой! Я думал, вернусь домой — и все закончится, но только и здесь то же самое!

— Ты бы с родителями поговорил, снял с души камень, глядишь, и полегчало бы! — затушив сигарету, посоветовала Нина Олеговна.

— Нет, тетя Нин, им — не могу! — категорично заявил Мишка. — Мать, если узнает, с катушек слетит, а батя.... Батя, даже не знаю, как отреагирует. Вам бы рассказал, вы мне как мама, у меня ведь кроме родителей и вас с Лешкой никого ближе нет.

— Ну, раз им не можешь, тогда попробуй мне!

— Это случилось полгода назад, — сбивчиво начал Мишка. — Мы получили приказ следовать через ущелье в Шатой. Точно не знаю, но ребята рассказывали, что комбат тогда здорово разозлился, ругался на чем свет стоит, кричал, что за идиоты там сверху такие распоряжения отдают! А наш взводный Галимов стоял молча и выслушивал комбата. Только в армии, тетя Нина, есть приказ, и если он даже тупой и бездарный, ему обязаны подчиниться...

Уже рассвет заглядывал в окна, когда Мишка закончил рассказ.

Нина Олеговна горестно покачала головой:

— Да, Мишенька, досталось вам. Может, и к лучшему, что Лешку тогда за драку на учет поставили. А так бы....

Женщина достала из холодильника непечатую бутылку водки, поставила на стол три стопочки и наполнила их до краев.

— Помянем, сынок, ребяток погибших.

Мишка залпом выпил, хотел что-то сказать, но вместо этого расплакался. Нина Олеговна обняла его, как когда-то много лет назад обнимала маленького шалуна и забияку Мишку Стрельникова, и нежно погладила по голове:

— Это ничего, Миша, это боль твоя наружу лется, уходит...

Утро выдалось по-осеннему мрачное и серое. Стрельников вышел на крыльцо, оглядел окрестности и на минуту замер. Укутав вершины сопок густой пеленой, туман медленно сползал вниз по крутым склонам и, будто затвердевая, заполнял распадки и расселины.

«Сколько величия и спокойствия! — подумал Мишка. — А ведь раньше я не замечал всего этого!»

Прохлада дохнула в лицо морозной свежестью. Поеживаясь, Мишка поднял воротник и быстро зашагал вниз по тропинке. Свернув на дорогу,

он едва не столкнулся со странным человеком в красной спортивной куртке с логотипом «Спартак». При виде Стрельникова тот натянул на глаза кепку и, ускорив шаг, юркнул в соседний проулок.

Дома у Стрельниковых никого не было, в зале монотонно постукивали часы, а на кухне по-стариковски тихо бухтел холодильник. На столе лежала записка: «Сынок, деньги в серванте, поешь на плите».

Мишка вскипятил воду и заварил чай покрепче. Голова гудела после бессонной ночи, и мысли беспорядочно путались в голове. Он устало добрал до кровати и, не раздеваясь, рухнул на подушку. На сей раз он мгновенно провалился в сон, чистый и спокойный, без стрельбы и криков...

— Миша, ты живой! — растолкала парня вчерашняя знакомая, Галя. Мишка потер глаза и удивленно глянул на девуцу:

— А ты как здесь?

— Двери закрывать надо! Я смотрю — ключи в замке — постучалась, никого. Дверь толкнула, она открылась! Хотела уйти, но мало ли что? После вчерашнего чего только не подумаешь. Заглянула в комнату, а ты вроде как не дышишь. Я, честно говоря, перепугалась!

— Ладно, спасибо! — пробубнил спросонок Мишка. — Слушай, нагрей чаю, а я пока морду сполосну.

Когда Стрельников вышел из ванной, Галя все приготовила. Даже успела бутерброды с колбасой настрогать.

— Поешь! — придвинула их Мише. — Смотреть страшно, бледный весь, круги под глазами. Все три дня пьешь? А закусывать забываешь! Давай, хоть немного перекуси. А я ведь к тебе от Лехи!

— Как он? — оживился Мишка.

Галина лукаво улыбнулась:

— Съешь сначала, а потом расскажу.

— Ну! — отхватив большой кусок, буркнул парень. — Давай, выкладывай.

— Нормально у него все, с кровати поднимается и даже пытается ходить. Врач, правда, его ругает, но ты же Лешку знаешь, он неугомонный. Да и еще тот, кому ты стулом по голове заехал, с Лехой в одной палате лежит, во хохма! Правда?!

Мишка напрягся.

— Слушай, надо найти этих ублюдков!

— Смотри, как бы они тебя первыми не нашли!

— Пусть только сунутся!

— Да успокойся ты, в поселке говорят, что Аркаша пропал. Сегодня на работу не вышел и нигде не появлялся.

— Спрятался, наверное, — ядовито ухмыльнулся Мишка. — Я такую породу людей знаю. Напакосят — и в кусты!

— А у нас гости? — появились в дверях Вероника Александровна и подала сыну сумку с продуктами. — Убери в холодильник.

— Здравствуйте, тетя Вера, — поднялась с места Галина. Женщина приветливо улыбнулась:

— Здравствуй. Как мама?

— Спасибо, нормально. Ну, я, наверное, пойду!

— Оставайся, сейчас обедать будем. Поговорим, а то у моего дембеля слова не вытянешь.

Было как-то по-семейному уютно за столом с мамой и говорливой Галиной, что Мишке вдруг подумал: кажется, потекла жизнь своим чередом, наладилась после долгой разлуки.

Алексей быстро шел на поправку. Врач только руками разводил: всего несколько дней прошло, а парень как новенький, вот что значит молодой организм!

Как-то Мишка допоздна просидел у друга, а когда выходил, у крыльца больницы прямо перед ним тормознул милицейский УАЗ. Молодой лейтенант, высунувшись в окно, окликнул Стрельникова:

— Эй, герой, садись, прокатимся!

— Да я вообще-то кататься не собирался... — возразил Мишка, но милиционер настаивал:

— Садись, Стрельников, пара вопросов к тебе есть, обещаю, долго не задержу. Ты же не хочешь, чтобы я тебя повесткой вызвал?

— Ладно... — огляделся по сторонам Мишка и запрыгнул на заднее сиденье. — Если ненадолго, то поехали.

В местном отделении поселковой милиции его пригласили в кабинет. Следом зашел лейтенант, удобно примостившись в кресле, закурил сигарету.

— Ну что, герой, рассказывай!

— Чего рассказывать-то?

— Тебе видней!

— Вы меня что, в угадайку сюда играть привезли или пару вопросов задать? Задавайте, а нет, так я пойду.

— Никуда ты не пойдешь! — стукнул ладонью по столу лейтенант. — Здесь тебе не Чечня и примочки свои забудь! А для сведения сообщаю, что десять дней назад пропал некий Аркадий Троицкий.

— Ну и пропал, а я-то тут при чем?

— А при том! На дискотеке в клубе «Металлург» произошел конфликт, где все тот же Троицкий ранил ножом твоего приятеля Захарова. Утром следующего дня видели, как человек разговаривал с Аркадием на повышенных тонах, после чего Троицкий исчез.

— Ну, человек разговаривал, а я-то тут при чем?

— Хватит дурку ломать! — взбесился лейтенант. — Тебя видели утром на улице Солнечной, это совсем рядом от того места, где была обнаружена кепка Троицкого и крови! Вот! — швырнул на стол лист бумаги милиционер. — Экспертиза установила, что группа крови совпадает с группой крови Троицкого! Так что, гражданин Стрельников, давай будем признаваться! Нет, я тебя, конечно, понимаю, отомстил за друга, святое дело! Тебя и на зоне братва поддержит, и я тебе помогу, выступлю в суде, мол, сотрудничал со следствием, а там такие факты учитываются! Ну, как минимум лет пять. Ну, шесть!

— Здорово! — скривился Стрельников и демонстративно откинулся на спинку стула. — А я думал, это сказки про добрых ментов! Мне что, явку с повинной писать?

— А ты не скалься! — сердито свел брови лейтенант. — Шутки закончились. Пиши. Как, где, при каких обстоятельствах! Ну и где тело гражданина Троицкого. Напишешь чистосердечное, пойдешь домой, а нет, задержу на трое суток.

— А на каком основании? — возмутился Стрельников, застегивая куртку. — Есть доказательства? Или улики? Вот когда у вас что-то будет, вызывайте, а сейчас — прощайте, гражданин начальник!

— Ты что! — вскипел лейтенант. — Не понял, куда попал? Это тебе не Чечня! Что думаешь, герой? Наслышан, как вы там зачистки проводили, наркоту толкали, оружие продавали, и все вам, сволочам, с рук сошло! Думаешь, и здесь так будет?

— Козел! — презрительно бросил Стрельников в лицо лейтенанту. — Такие, как ты, нас продавали за баксы вонючие! А ребят не тронь, понял!

— Ах ты тварь! — взорвался лейтенант и, потеряв самообладание, схватил Мишку за ворот. — Все напишешь, падла!

В следующую секунду Мишка вывернулся и с силой хватил лейтенанта лицом об стол.

— Наряд!! — схватившись за нос, из которого хлестанула кровь, закричал опер. — В камеру, суку!

Трое сотрудников сбили Мишку с ног, выкрутили руки и, навалившись сверху, тщетно пытались застегнуть наручники. Мишка словно обезумел. Неизвестно, сколько продлилась бы эта схватка, если бы не жесткий удар рукоятью табельного «макарова», что прилетел ему прямо в затылок. Задыхаясь, раскрасневшиеся дежурные подхватили оглушенного Мишку и забросили в камеру...

Михаил Михайлович Стрельников вернулся с прииска спустя десять дней. Потирая руки, тихонько прокрался в комнату:

— Не ждали?

— Миша! — улыбнулась супруга и нежно обняла мужа. — Ты как раз вовремя! Я борщ сварила, твой любимый со шкварками. Проходи. Сейчас обедать будем.

— Давно домашнего не ел! — присел к столу Стрельников, и, хлебнув из тарелки, с наслаждением зажмурил глаза. — М-м, язык откусить можно. А Мишка где?

Вера Александровна устроилась напротив и с любовью смотрела на мужа:

— К Захаровым пошел.

— Все дембель отмечает?

— Да ты что! Дня три погулял и успокоился, ну так, пиво иногда возьмет. А недавно к нему Галина Сотник приходила, может, я и ошибаюсь, но заметила, как она на нашего Мишу особо поглядывает.

— А что, Генка своих дочерей в узде держит, у них все девчонки порядочные. Ну, ты хоть расскажи, как он? На работу-то собирается? Ничего не говорил?

Неожиданно женщина закрыла лицо и заплакала.

— Ты чего, Вера? — всполошился Стрельников. — Чего случилось-то? Ты меня не пугай. А ну, давай, выкладывай все, как есть!

— Страшно мне, Миша! — утерла слезы Вероника Александровна. — Он ни одну ночь не спал. Все кричит, бредит во сне! В атаку до сих пор ходит, просыпается посреди ночи, сидит на кухне у окна и курит без конца! Прямо напасть какая-то, ума не приложу, что и делать? Может, ему к врачу? Совсем парень извелся, осунулся, почернел, чуть что, сразу в драку кидается.

— Придуваем чего-нибудь, — отодвинул тарелку Стрельников. — Есть у нас чего покрепче?

Супруга достала из серванта бутылку коньяка и поставила на стол. Мужчина налил стопку до краев и выпил.

— Все, говоришь, в атаку ходит? Зря я его тогда послушал, надо было отмазать, как другие сделали! В армию парень хотел, родине служить! А оно видишь, как вышло!

Стрельников плеснул себе еще, опрокинул разом и закурил. Вера, с горечью глянув на супруга, открыла форточку. В этот момент с телеэкра-

на громко зазвучал голос президента Ельцина. Он говорил об успешных операциях в Чечне, ни единым словом не упоминая про потери, и при этом морщился, будто после стакана самогона. Монотонная речь окончательно вывела Стрельникова, он с силой вдавил сигарету в пепельницу и нервно хлопнул кулаком по столу:

— Выключи! Видеть эту физиономию не могу!

— Ты что говоришь-то, Миша?.. — вздрогнула от неожиданности женщина. — Успокойся.

— Прости! — взяв за руку супругу, извинился Стрельников.

— Все наладится! — прошептала Вера Александровна и прижалась щекой к небритому лицу мужа. — Ты не кори себя! Назад ничего не вернешь, и что случилось, уже случилось!

В дверь тихо постучали. Женщина отворила. На пороге стояла взволнованная Галина.

— Вера Александровна, Мишу в милицию забрали.

— Как? За что?

— Не знаю, прямо у больницы в машину посадили и увезли...

Очнулся Стрельников в камере. Разминая затекшую шею, огляделся. Под потолком, тускло отбрасывая лучи, горела желтая лампа, от пошарпанных стен веяло сыростью. Вспоминая недавний разговор с оперативником, он никак не мог взять в толк, кто его видел в такую рань? И тут Мишку осенило: он вдруг вспомнил незнакомца, что ему повстречался. А ведь он шел как раз с той самой улицы. «Может, оперу про него рассказать? — размышлял Стрельников, наблюдая, как ловко расставляя сети, поджидает жертву огромный паук. — Нет, этот и слушать не станет, ему дело раскрыть надо, а кого на зону отправить, это уже второй вопрос, и по ходу не совсем уж важный. Жаль, начальника ПОМа перевели в район. Тот бы точно разобрался, что к чему! Да и с отцом они раньше кентовались, на охоту вместе ездили.... Вот ведь влип! Ни за что, ни про что угодил, как кур в ощиц!»

Тут невольно всплыла в памяти армейская история, о которой Мишка никому не рассказывал.

Тем летом его направили дежурить на блокпост, который располагался на основной дороге, ведущей в аул, затерявшийся в горах. Мишка как-то побывал в тех краях. Мрачное место. Пока там стояли часа полтора, он ощущал на себе чей-то пристальный взгляд. Парень почти не сомневался, что с заросшей зеленью высоты сквозь оптический прицел винтовки за ним наблюдает снайпер. По утверждению командира, там находилась перевалочная база боевиков, однако нападений на пост не было, и пока он считался относительно безопасным. Личный состав наряда из двенадцати бойцов размещался в небольшом блочном здании с огневой точкой, которая прикрывала пропускной пункт на трассе.

Старшим на очередное дежурство заступил дембель сержант Будякин Веня. Работали они в паре, и Мишке приходилось мириться с его наглыми выходками. Будякин с важным видом проверял документы, а Мишка досматривал технику. Как-то на КП остановился «Урал». Из кабины выскочил старший сержант и протянул Будякину документы.

— Браток, нам бы побыстрее!

Водитель грузовика вдруг неожиданно воскликнул:

— Веня, ты? В рот компот!

Будякин, взглянув на усатого бойца, заулыбался:

— Хохол! Какими судьбами?

— Да у нас тут часть неподалеку. Слушай, ты ночью тоже дежуришь?

— А куда мне с подводной лодки?

— Базар есть.

— Валяй!

— Раз на раз бы поговорить! — покосился тот на Мишку.

— Старатель, машину пока досмотри! — кивнул сержант на тентовый кузов «Урала». — Давай, шевелись!

Разговор был недолгий, но обстоятельный. Видимо, придя к соглашению, они хлопнули по рукам и довольные разошлись.

К вечеру зарядил дождь, размывая насыпь, у дороги по склону побежали ручьи, с шумом падая в каменистое ущелье. Мишка стоял под навесом КП, укрепленным мешками с песком, и вглядывался в петляющую среди гор дорогу. Скоро и вовсе стемнело, а ливень все не унимался.

— Ну и хорошо! — думал Мишка. — В такую погоду чехи не сунутся!

Сквозь ночную мглу вдали пробился свет фар. Стрельников вскинул автомат. Кого это ночью занесло? Все поездки были разрешены только в светлое время суток во избежание нападения боевиков.

«Урал» остановился перед шлагбаумом и подал сигнал. Мишка направил прожектор на кабину, усатый водила, щурясь от света, приветливо помахал рукой. Из темноты вынырнул Будякин и, шлепая сапогами по лужам, подошел к Стрельникову.

— Старатель, ты пока обойди территорию, только по-быстрому.

Когда Мишка вернулся, «Урал» уже выезжал за территорию блокпоста.

— А чего это он! Он же без старшего офицера ехал, я сам видел.

— Да я все проверил, документы в порядке, офицер на сиденье рядом дрыхнет! — отмахнулся от Стрельникова сержант. — Они недолго!

И точно, «Урал» вскоре вернулся. При виде сослуживца Веня заскочил в кабину и кивнул Мишке на кузов:

— Досмотри внимательно и фонарик не забудь!

Мишка старательно осмотрел каждый сантиметр техники. В кузове под брезентом он обнаружил несколько патронов. Михаил показал свою находку Будякину, тот отреагировал вполне спокойно:

— Война, Стрельников! Сейчас такого добра везде навалом!

— А где его старший? — поинтересовался Мишка. — Вы ж говорили, он в кабине дрыхнет! Прямо на него сели?

— Не умничай! — сквозь зубы процедил Будякин. — Чо, замерз? Топай давай, открывай шлагбаум, выпускай технику.

Дождь все усиливался, хлестал так, что не спасала даже армейская плащ-накидка. Мишка здорово промок, пока закрывал шлагбаум, а когда возвращался на пост, случайно увидел, как старательно Вениамин пересчитывает баксы. Однако особого внимания этому он не придал, здесь штатовская валюта была в ходу, каждый крутился по-своему. Все понимали: случись чего, никто тебе не поможет, на дембель проездные выпишут — и прощай! И не вспомнят, как ты жизнью рисковал. В лучшем случае, по ранению медальку сунут. А там, на гражданке, лечись сам как хочешь, отслужил службу, отдал Родине долг — и разбежались: она тебе не должна, а ты ей!

Про необычное дежурство Мишка вскоре забыл.

Но буквально через неделю события той ночи напомнили о себе.

Перед обедом его вызвал Галимов и указал на двух офицеров:

— Поедешь с ними, оружие сдай, по возвращении получишь.

Мишку препроводили в УАЗ и повезли в сторону Грозного. Машина прыгала по ухабам, недовольно рыча, однако даже это не помешало Стрельникову задремать. Проснулся он от толчка, открыл глаза и увидел напротив недовольное лицо молодого лейтенанта:

— Приехали, боец, выходи.

В здании, у которого остановился УАЗ, располагалась резиденция особого отдела. Часовой у входа молча проводил их взглядом. Миновав темный коридор, спустились по крутой лестнице в подвальное помещение. Железная дверь закрылась за Мишкиной спиной, а капитан с проседью на висках подставил стул:

— Садись, Стрельников! Разговор у нас долгий будет! Надеюсь, ты догадался, зачем мы тебя пригласили?

— Если честно, ума не приложу...

— Ну, а про блокпост тоже ничего рассказать не хочешь? — закури-вая, спросил капитан и склонился прямо к Мишкиному уху. — Давай, парень, вспоминай!

— Вы прямо скажите, чего хотите! Какой вопрос, такой ответ!

— Верно! — согласился с доводами капитан. — Прямо так прямо. Что ты знаешь о продажах боевикам оружия? Сколько раз это было, кто конкретно связывался с покупателем? Ну, теперь, надеюсь, понятно?!

— А что я должен об этом знать? Это же ваша работа, не моя!

— Да что мы тут с ним миндальничаем! — взорвался лейтенант и схватил Мишку за грудки. — Что, сука продажная, на крови бабки делаешь? Отвечай, кто еще в деле! Быстро, я сказал!

Слова лейтенанта задела парня за живое, он хотел возразить, но едва приподнялся, как хлесткий удар свалил его на пол. Мишка почувствовал, что лопнула губа и рот наполнился теплой кровью, однако, несмотря на боль, он все же поднялся и, сплюнув багровый сгусток, с силой ударил обидчика в лицо. Особист не ожидал такой наглости, он даже не увернулся, когда крепкий кулак припечатал его к стене. С твердым намерением отомстить за оскорбление, Мишка схватил табурет, но почувствовал тупую боль в затылке и потерял сознание.

Когда Стрельников пришел в себя, то обнаружил, что крепко привязан веревкой к стулу, а на руках наручники. Старлей с припухшей губой сидел напротив.

— Ну что, говорить будем? Ты хоть замолчись — вину твою мы докажем. И посадим. Как предателя! А там тебя твои же ребята опустят.

Мишка с презрением заглянул в глаза особиста:

— Ну и работенка у вас!

— А ты, Стрельников, не язви, — одернул бойца капитан. — Мы тебя не шутки шутить сюда привезли, а выяснить, как ты родину предал. Как ребят своих продаешь! Не хочешь говорить, не говори. На войне с такими разговор короткий, пулю в лоб — и на улицу! А командованию доложим, мол, отпустили бойца. А кто его знает, что с ним случилось — бан-дитская пуля!

— Или братьям твоим тебя выдадим. Чехам! Пусть они сами решают, что с тобой делать! — закурив папиросу, с ухмылкой вставил старлей. — А можем все по-свойски решить: ты нам каналы сдаешь, а мы тебя отпускаем.

— Не знаю я ничего про каналы! — брезгливо отвернулся Мишка, но тут же получил под дых.

— Это тебе для раскочки! — злобно выговорил капитан. — Вспоминай. Вспоминай быстрее! Как, где и кому?

— Да что с ним возиться! — вмешался старлей. — В расход его! Чехам выдать, так он потом наших стрелять будет!

— Сам-то скольких продал?.. — презрительно ответил Мишка. Старлей пришел в бешенство, выхватил из кобуры «макарова» и подскочил к связанному парню. Мишка провалился в пустоту.

А когда сознание стало возвращаться, услышал голос капитана:

— Ты что, Лазарев, спятил? Убьешь парня! Смотри, упертый какой! Одно слово, северянин. Плохо, что допрос прошел впустую.

— О, очнулся! — заглянул в лицо Мишке старлей. — Ну как, вспомнил чего?

Мишка молча кивнул головой, на что старлей самодовольно улыбнулся:

— Ну вот, а ты мучился! Давай выкладывай все по порядку.

— Вспомнил, где я вас видел! Вы в мультиках не снимались? — съязвил Мишка. Удар был сильный, но сознание он не потерял, хотя почувствовал, как побежала кровь по виску.

— Хватит дурку ломать! — более сдержанно завел разговор капитан. — Вижу, парень ты здоровый. Теперь к вопросу, зачем ты здесь?! В твоё дежурство через блокпост провезли оружие, боеприпасы и продали чехам! А через пару дней из него обстреляли нашу колонну. Есть убитые и раненые, твои, между прочим, ровесники. Место осмотрели, найденные гильзы по номерному учету соответствуют пропавшему арсеналу. В журнале все чисто, ни слова о ночных проездах. Может, вспомнишь и по порядку расскажешь, кто проезжал. Когда?

— И что? Это мне поможет? — ухмыльнулся Мишка. — Вы же все одно меня крайним пустите, если я даже не при делах! Только я, если бы ребят продал, сам бы себе пулю в лоб пустил!

— Вот и помоги нам разобраться, — спокойно предложил капитан. — Может, ты действительно ни при чем!

Мишка молчал, вспоминать ему было нечего. И до слез обидно, что его обвиняли в предательстве.

— Ладно, — хлопнул себя по коленям капитан, — ты тут посиди, подумай пока, а мы отдохнем.

Особисты погасили свет и закрыли двери снаружи. Сколько времени Мишка провел в комнате, он не знал, может, час, может, пять, а может, и сутки. Он то засыпал, то просыпался, уже представляя, как его вывезут на окраину города и старлей, смеясь в лицо, спустит курок.

— Развяжите его! — сквозь сон донеслось до Стрельникова. Он открыл глаза. Но тут же зажмурился от света.

— Буянить больше не будешь? — спросил капитан. Мишка утвердительно помотал головой. Несколько минут он не мог даже шевельнуться, все тело затекло. Потная посиневшие запястья, он с облегчением взглянул в глаза капитана.

— Что дальше? На окраину города?

Офицер улыбнулся, на сей раз более радушно:

— Зачем же? В часть поедешь.

Мишка насторожился:

— Как? А как же предатели?

— А предатели сами сознались, — поспешил объявить старлей и протянул Мишке наполненный стакан. — Пей. Здесь тебе санация рта и обез-

боливающее! Потом приведешь себя в порядок, и в часть. А ты, парень, молоток, может, к нам пойдешь?

Мишка неторопливо осушил стакан.

— Спасибо. Я подумаю.

— Сразу видно, парень с Севера, — улыбнулся капитан и подал Мишке полотенце.

Щурясь, Стрельников вышел на крыльцо. В глаза бросился тентовый ГАЗ-66 и пять автоматчиков. С другой стороны здания вывели двух солдат, они молча брели к машине, потупив взгляд. Позади шел старлей с пистолетом в руке. Мишка пригляделся, в этих людях он едва узнал Будакина и того самого хохла из «Урала»...

Стрельников-старший словно шквал ворвался в поселковое отделение милиции. Пронесся мимо дежурного по узкому коридору старенького здания и без стука открыл дверь в кабинет участкового. Капитан милиции Бугров, увидев крепкую фигуру бригадира старателей, решил первым прояснить ситуацию:

— Присядь, Михаил Михайлович.

— Что с сыном?!

— Я говорю, присядь. Сейчас все объясню...

Стрельников грузно опустился на стул и нервно расстегнул ворот рубахи.

— Опоздали вы, Михал Михалыч, — дунув в папиросу «Беломора», ответил участковый.

— Как опоздал?

— С районного управления приезжала следственная группа во главе с оперуполномоченным Померанцевым по факту пропажи Аркадия Троицкого и драки в ДК «Металлург».

— Ну, а Мишка-то мой здесь причем?

— Он в ДК драку затеял. Один из потерпевших, между прочим, с побоями и сотрясением лежит в больнице, а Троицкий пропал на следующий день.

— А то, что этот самый Троицкий Захарова Алексея ножом пырнул — это как?

— Я докладывал об этом Померанцеву, но он и слушать не стал. Мол, заявления по данному факту в отделение не поступало. Да и шпана эта показаний не даст! Какой, говорит, мне смысл на это попусту время свое тратить! Вы, Михаил Михайлович, послушайте моего совета. С утра поезжайте в район. Первым делом зайдите в военкомат к Лукьянову. Вы же военкома хорошо знаете. Возьмите справку, что сын принимал участие в боевых действиях, — и в РОВД, а там Игорь Федорович сейчас начальником! Уж вас-то он непременно выслушает!

— Спасибо, Артем Генадич! Да узнать хотел, не били его хоть?

— При мне нет! Его привезли, я как раз на вызов собирался... слышал небось, опять Гуталюк напился, жену гонял!

— Слышал! Не новость, каждый раз такой концерт, как поддаст!

— Ну так вот, приехал я уж затемно, дежурный говорит, увезли паренька в район — он тут такой шар-бар устроил! Боевой у тебя пацан, Михалыч.

Утренний туман застыл на уступах сопки и расплылся над небольшой речушкой в низине. Стрельников выгнал из гаража УАЗ и, запустив двигатель, закурил.

— Здорову быть, Михалыч! — приветливо окликнул Стрельникова Захаров, отец Алексея.

— Здорово, Валер! — пожал руку приятелю Стрельников. — А ты чего не на участке? Сейчас самый сезон!

— Отпросился! Слышал, ты в район собрался? Меня не захватишь? Я мигом дела порешаю и обратно с тобой!

— Чего уж там. Садись, вдвоем веселее.

В райцентр добрались до обеда. Стрельников остановил УАЗ у военкомата и зашел внутрь. В обветшалом здании он без труда отыскал кабинет военкома.

Седой с залысинами мужчина в звании подполковника ВВС, увидев старого приятеля, радостно распростер руки:

— Михаил Михайлович, какими судьбами? Проходи, дорогой. Присаживайся!

Военком достал из шкафа небольшую фляжку, две железные стопки и плитку шоколада:

— Ну давай за встречу, что ли! По маленькой!

— Я за рулем, Трофимыч...

— Да ладно! Давай, от стопки не опьянеешь, а разговор завяжется.

Пригубили. Военком, с наслаждением цокнув языком, расправил усы:

— Дагестанский! Натуральный, смею заметить, чуешь вкус?

Стрельников молча кивнул в ответ, и подполковник, заподозрив неладное, быстро переключился:

— Ну выкладывай, что случилось? Только давай начистоту!

Стрельников поведал обо всем. Военком молча выслушал приятеля и, ослабив галстук, повернулся к окну:

— Да, Миша. Такая она война, никого не щадит. Я сам Афган прошел, посмотрелся. Так я офицер! В те годы парней наших в Кабул только после учебки забрасывали, а в Чечню, сослуживцы писали, без подготовки отправляли, прямо из дома, от мамкиной юбки и сразу в окопы! Я сам после ранения как чумной ходил, не поверишь, все духи кругом мерещились. Правда, как твой по ночам не кричал, ну, может, пару раз, не больше. А ведь помнишь, я тебе говорил — давай оформим отсрочку от службы! Лет десять назад язык бы не повернулся такое предложить! Ты вот что, Миша, езжай в райотдел, а я с Федорчуком созвонюсь, обрисую ситуацию. Я сына ему помог в хорошую часть пристроить, так что кое-чем человек обязан.

В райотделе милиции Захаров подошел к дежурному.

— Мне к товарищу Федорчуку.

— Как доложить? — взглянул на мужчину дежурный.

— Захаров Валерий из «Золотоносного», он меня помнит.

— Проходите, — кинул головой дежурный, — он вас ожидает.

Начальник розыска приветливо встретил Захарова:

— Ну здравствуй, Валерий Игнатич, проходи, присаживайся! Да, давненько не виделись. Уж кого-кого, а тебя здесь гостем встретить не ожидал! Слышал, ты по своей иерархии высоко поднялся?! Видать, что-то серьезное, раз сам ко мне! Не по поводу ли Стрельникова? А то уже и из военкомата звонили, и из Совета ветеранов.

— Нет, Игорь Федорович. Я по другому делу, по вашему!

— А чего ко мне. А не к операм?

— А что они могут? Орать да бить! Вы меня два раза брали. Чисто и красиво. Одними фактами и уликами прижали, потому порядочные урки вас уважают. Я к вам по поводу Троицкого!

— Вот как! Это тот, который пропал?

— Точно, тот самый.

— Знаешь, где он?

— Знаю! Потому и пришел, да и парнишку Стрельникова жаль. А тож ваши головотяпы его в зону затрамбуют, а оттуда, вы уж поверьте, никто нормальным не возвращается.

— Ну, раз знаешь. Поделись по старой памяти.

Захаров неспешно достал из нагрудного кармана куртки сигарету и закурил.

— Я на прииске был, когда мне ребята про драку в «Металлурге» рассказали. Потом на коммутатор кто-то звякнул, что Лешку моего Аркаша подрезал. У меня давно злоба на эту суку. Он как откинулся, нож из рук не выпускает. Знаете небось через стукачков своих, сколько подранков в поселке. Только никто заяв не пишет, связываться не хотят. Он по поселку фраером ходит, а по жизни нашей лагерной — краснота. На локалке сидел, в СДП состоял. Ну, это вроде как мент, только зек, как это у вас там, о — народный дружинник! Я его предупреждал, что спрос за беспредел будет, а он только посмеивался, мол, я не тех мастей, чтоб ты с меня спрашивал. А тут про сына узнаю! Ночью тихо с прииска снялся и в поселок.

— Да там верст пятнадцать! Как же ты обернулся за ночь.

— Мотоцикл откатил за драгу, чтоб за ее гулом мою трещотку неслышно было, завел — и в поселок. В поселке отыскал Аркашу. Он там у бабы одной гасится. Повезло, она как раз в ночном была. Я его на базар вытянул, знал, что он с пером пойдет, подстраховался. Место заранее наметил. Мы с ним за дворы отошли, рядом с котельной. Там место тихое и от глаз подальше. Я как речь про Леху завел, так Аркаша за перо, но тут я его ломиком и приголубил.

— А труп! Труп-то куда дел?

— Я же не пальцем деланный, гражданин начальник, чтоб жмура прятать. В тайге медведь отроет или попадетя на глаза кому-нибудь. Помните, вы мне говорили, что трупы многое рассказать могут! Не поверите, но я тогда ваши слова вспомнил. Вот я его в топку и определил. Только тут, гражданин начальник, один нюанс — никто этого не видел! Я кочегара до этого споил, пока тот уголек подтаскивал, пару пузырей на столе оставил. Ну, тот не удержался, не зима, котел не переморозишь! В общем, дал душе оторваться! Все вылакал, собака, часа четыре как убитый валялся.

— А потом! Потом что?

— Подкачегарил я до рассвета, пока тот не очухался, и обратно. Да, а когда я дворами уходил, столкнулся с Мишкой Стрельниковым, благо он меня не узнал. Хотя, наверное, олимпийку мою запомнил.

— А где олимпийка-то?

— Смеетесь, я все эти университеты давно прошел — спалил! Так что решайте, что делать. Писать я ничего не буду и в добровольную сознанку не пойду! А без трупа вы на меня ничего не повесите. Ну а то, что я не вру, вы знаете.

— Мм-да, — протянул подполковник, разглядывая сухощавое лицо Захарова. — Задал ты мне задачку! Ладно, иди пока. Знаю, бегать не станешь. Если понадобишься, найдем.

Начальник райотдела, увидев в дверях Стрельникова, поднялся и вышел навстречу:

— Сегодня прямо день посещений какой-то! Ну здравствуй, Михаил! — Федорчук крепко пожал руку гостя и по-дружески похлопал его по плечу:

— Давай, присаживайся. Это сколько ж мы не виделись-то? Года полтора, если память не изменяет!

— Изменяет, Игорь! Два года уж.

— Да, бежит время. Жаль, конечно, что по такому поводу встречаемся, но что поделаешь — служба! Я, честно говоря, только утром обо всем узнал, тебе звонил, отвечают, уехал, ну я так и подумал, что по мою душу. Ты уж извини, но тут дело такое, Мишка твой лицо оперу поправил, вот ребятки мои лишка и переусердствовали! Ну, слава богу, разобрались, вне подозрения твой парень теперь, так что оснований для ареста нет!

— Товарищ подполковник, задержанного привели, — заглянул в кабинет рыжий милиционер со связкой ключей на поясе.

— Заводи, — сухо бросил Федорчук и указал Стрельникову на сына. — Все, свободен младший, забирай, Михаил, своего парня!

— Спасибо... — подавив волнение, тихо произнес тот. — Спасибо, Игорь!

— Мне-то за что? Захарова благодари... — как-то вроде невзначай обмолвился Федорчук и переключился на Мишку.

— Здравствуй, Мишаня! К нам на работу не хочешь? Нам отчаянные и рассудительные парни нужны, а ты войну прошел, смерти в глаза смотрел! Бандитов местных — и тех не испугался! Ну, что думаешь?

— Спасибо. Но я лучше, как батя, на старание!

— Что ж, дело благородное! Ну а надумаешь к нам, всегда пожалуйста! А теперь простите — служба! Если претензий не имеете, задерживать не стану.

Валерку Захарова Стрельников знал давно. Вместе приехали на прииск в начале семидесятых, он из Белоруссии, а Валерка из Киргизии. Тогда много народу подалось на Севера. Беззаботная молодежь, романтики тогдашнего покроя. Трудности, с которыми встречались эти люди, не пугали их, а напротив, только укрепляли характер. Балки с буржуйками, умывальник на улице, маленький клуб с проигрывателем и несколько заигранных пластинок. Нет, не деньги манили их в эти края с вечной мерзлотой, а желание большого будущего! Будущего, сотворенного своими руками на местах бывших гугаговских лагерей и поселений.

Всегда веселый и неунывающий, Валерка был душой компании. Старший Стрельников отлично помнил, что когда родился Мишка, Захаров втайне от всех заказал из Якутска полный самолет цветов и принес в роддом. А когда спустя четыре месяца у самого родился сын, Алексей неделю поил весь поселок. Старатели посмеивались: «Надо бы переименовать наш поселок в Алексеевку!»

Вот и сейчас он чем-то помог, не требуя ничего взамен и не желая огласки. В этом был весь Захаров.

Обратно ехали молча, глотая дорожную пыль. Однако на подъезде к поселку Стрельников все же не сдержался:

— Валера, а чем ты помог Мишке?

— С чего ты взял, что я помог?

— Федорчук сказал.

— Ума не приложу, Михалыч, что он имел в виду! Я-то тут каким боком?

— Не знаю...

Притормозив у дома, Стрельников повернулся к Захарову.

— Валер, и все же спасибо!

Захаров молча улыбнулся и, хлопнув дверью, быстрым шагом направился к дому.

— Ну что, сынок! — приобнял сына Стрельников. — Я с начальством договорился, взял отгулы, поехали на Тим-Урбай, там у Валерки своя зимуха. Поохотимся, хариуса потягаем! Ты как?

— Я только за! — живо откликнулся Мишка — Давно в тайге не был, соскучился. Когда поедем?

— Да прямо сейчас! Чего думать-то! Ну, если ты не против, конечно!

— А чо, давай, пап, рванем. Как говорится, махнем не глядя!

— Там мать нам уже в дорогу собрала кое-чего! Если сейчас выйдем, до темна будем на месте.

— Зайдем, я маму обниму, успокою и вперед!

Дорога на Тим-Урбай ухабистая, разбитая «Уралами» и ГАЗушками, была проложена еще в тридцатые зеками и спецпереселенцами. С какой целью — неизвестно: к сожалению, информация насчет этого была со временем утрачена.

Упиралась дорога в сказочное озеро с холодными ключами и небольшую, красивую речушку, петляющую меж скалистых сопок в глухой, непролазной тайге. Однако подъехать к самому озеру никому не удавалось. Лет пять назад какой-то смельчак решил на «Урале» пройти марь, да только метров через пятьдесят провалился и завяз. Вернулись с бульдозером, глянь, а «Урала» словно и не было, едва крышу видать! Именно поэтому Стрельников оставил УАЗ, а до зимовья, что находилось в двух километрах, шли своим ходом.

Пока разбирали рыбацкий бутор, стемнело. С реки потянуло сыростью, а из гущи ельника дохнуло ночной прохладой. Мишка набросил на плечи телогрейку и, подтащив к берегу сухостоя, развел костер. Огонь, быстро прорвавшись сквозь ворох хвороста, заиграл по реке яркими бликами.

— Тишина-то какая, пап... — вздохнул Мишка. — Знаешь, я раньше не замечал всего этого. Ну, река, тайга... чего тут такого? А сейчас гляжу и не узнаю!

— Так бывает, — подхватил разговор Стрельников. — Иногда, сынок, в кругу жизни не замечаем мелочей, а потом оказывается, что эти мелочи — самое дорогое, что было.

— Пап, а как вы с мамой познакомились?

— В семьдесят пятом сюда много народу приехало, молодые, здоровые парни, чуть постарше тебя! Ютились в бараках, работали, а вечером, как и положено — на танцы! Валерка тогда за Ниной ухаживал, она меня и познакомила с Верой! Хочешь, верь, хочешь, нет, но я, как увидел ее, сразу понял, что не жить мне без этой девушки. С первого взгляда, как мальчишка.... Через неделю сделал предложение, а через месяц расписались! А потом ты родился! Народу собралось в роддоме — не продохнуть, ты ж первый был! Валерка тогда учудил! Всю зарплату спустил на вино и цветы, уж чего-чего, а гульнуть с размахом он любитель!

— Слушай, пап, никогда не спрашивал, а за что дядя Валера в зоне сидел?

— Да не бандит он, просто так в жизни бывает, сынок. Зачем тебе знать подробности... Ты его как дядю Валеру знаешь, он для тебя хороший человек?

— Конечно, хороший!

— Вот и все, что ты должен знать, сынок! А судить человека легко, ярлык можно на любого повесить!

Помолчали.

— А может, того... — толкнул сына локтем старший Стрельников, — По маленькой? Я у ребят спиртику взял, по случаю.

— А почему нет, наливай! — оживился Мишка. — По одной можно.

Выпили по одной, по второй, разговорились. Говорили хорошо, душевно, как старые добрые приятели после долгого расставания. «Может, самое время поговорить о Чечне, что не дает сыну покоя? — подумал Стрельников, но тотчас и одернул себя себя, вглядываясь в ожившие глаза сына. — Нет, не сейчас...» Не вязалась война с этим тихим местом, одно неловкое слово — и замкнется парень, чего доброго, навсегда. Видно, есть вещи, о которых ему до сих пор вспоминать слишком больно.

За разговорами не заметили, как растекся за сопками рассвет и разбудил на уступе ветер. Пошатываясь от усталости, добрались до зимовья и без сил рухнули на полати. Первый раз проспал Мишка так сладко и безмятежно, без боев, без тяжелого взгляда комбата и его последних слов: «Уходи, сынок, уходи!..»

Домой возвращались к обеду третьего дня, дичь в этот раз обошла стороной, зато крупный хариус с черной спиной красовался в двухведерной кастрюле.

Проезжая мимо котельной, Стрельников притормозил.

— Ищут чего-то? — настороженно произнес он, разглядывая четверых человек, одетых в синие комбинезоны.

— Опять небось золото! — без интереса глянув на незнакомцев, зевнул Мишка. — Поехали, чего на них смотреть.

Дома уже ждал накрытый стол. Мужики с дороги приняли душ и уселись на кухне. Вера, улыбаясь, налила им маленькие рюмочки подкрашенной брусничной самогонки и, подумав, плеснула себе.

— Что за люди-то? — кивнул Михаил Михайлович в сторону окна.

— Да второй день суета какая-то! — вздохнула Вера Александровна. — Вчера милиция из района приезжала, вынюхивали чего-то, ходили, а потом вон те, что у котельной, приехали. Ищут чего-то, но чего, не говорят.

— Батя, — серьезно произнес Мишка, — возьми меня к себе в артель, хватит уже на вашей шее сидеть. Что я, калека какой? Руки-ноги целы, здоровья хватает.

— Сынок... — привстал Стрельников, на мгновение ему показалось, что это сон, будто не было всего того кошмара, что обрушился на их семью. — Конечно, Миша, я уже давно договорился, ждал только, когда ты сам предложишь.

— Ну и ладно! — с улыбкой глянул на родителей Мишка. — Пойду к Лешке схожу, узнаю, как он там, а вы тут поворкуйте!

— Сходи, сынок, сходи! Нине привет от нас передавай, — устало улыбнувшись, произнесла мама. — Не пей только, завтра на работу!

— Ладно, мам, я не мальчишка, уже работал! Отец знает.

Положив посуду в раковину, Мишка приобнял мать и нежно поцеловал в щеку:

— Спасибо, мам, я ненадолго. А вы тут без меня не скучайте.

Проводив сына до двери, они потом долго сидели за столом, молча взявшись за руки, словно боялись разрушить то шаткое равновесие, что наконец-то вернулось в их семью.

Работа поглотила все страхи и переживания старшего Стрельникова. Мишка будто ожил, и только все вроде бы пошло на поправку, как ранним утром к вагончику бригадира подкатил милицейский УАЗ и юный ефрейтор, несмело просунувшись в двери, вручил Стрельникову конверт. Бригадир вскрыл его, достал лист бумаги и пробежал по нему взглядом: «Явиться в районное УВД по получении уведомления». Снизу гербовая печать и подпись начальника уголовного розыска.

Сдавило в груди, застучало в висках.

— А что случилось-то? С какой такой стати?

— Не знаю... — пожал плечами милиционер. — Я сам с ночи, а меня сюда! Сказали, без пацана не возвращайся.

— Пацана? — с обидой произнес Стрельников, окинув взглядом посланника. — Этот пацан войну прошел, друзей похоронил!

— Простите, — немного смутился ефрейтор и шагнул за порог. — Вы извините, я его в машине подожду!

Стрельников накинул телогрейку на голое тело и вышел на улицу. По утрам уже крепчал мороз, еще месяц, от силы полтора — и все! Артель — на зимовку.

Бригадир прошел к вагончику, где жил сын, у двери его встретил Захаров.

— Мишка-то чего, спит? — тихо поинтересовался Стрельников у приятеля, тот кивнул в сторону реки: — Как же! Ни свет, ни заря поднялся — и к реке.

Мишка сидел на большом валуне и, прислушиваясь, как бьется из последних сил под тонким льдом быстрая речушка, вглядывался куда-то вдаль. Он будто знал, что отец придет, и тихо, как-то странно произнес:

— А горы, пап, там такие же, как у нас, и реки чем-то похожи! Чего же мы делим? Ведь это все наша земля! Ты же сам говорил, что мы единый кулак, одна большая страна!

— Все изменилось, сынок, — опустив голову, опустошенно ответил отец. — Нет больше Советского Союза! Но ты должен знать, что мы — я, бригада, семья, друзья — это наша страна! Ради которой стоит жить! А если придется, то и умереть!

— Знаю, папа, — взглянул в лицо отцу Мишка и неожиданно обнял его. — Простите меня! Простите!

— Да ты что, Мишенька, — прижал Стрельников к себе сына. — Даже не думай ничего плохого, мы с тобой — и всегда с тобой будем! А ты — с нами, и не проси прощения, это ты меня прости, тысячу раз прости за все!

Они просидели так всего несколько минут, но Стрельникову эти минуты показались вечностью — так долго он ждал этого, боясь первым обнять сына, прижать к себе.

— Сынок... — несмело начал бригадир. — Тут из милиции приехали, в райцентр тебе надо! Я с тобой поеду, хочешь?

Мишка, улыбнувшись, покачал головой:

— Не надо, пап, я мигом, туда и обратно, я ж ничего не совершал — и бояться мне нечего! Ты же сам всегда говорил: «Если у человека совесть чиста, то ему бояться нечего».

— Ладно, поезжай! — тихо произнес Стрельников. — Только не задерживайся, скоро сезон заканчивать!

УАЗик, не спеша, поднялся по ухабистой грунтовке до склона и вскоре скрылся в лесу. Стрельников переживал, что опять не поговорил с сыном, опять не хватило сил, а ведь был момент, когда приоткрыл сын душу, а он, отец, что он сделал — попросил прощения?!

Ругал себя Стрельников и терзался, но не мог спросить сына о войне.

— Ты чего это, Мишаня! — окликнул бригадира Захаров. — Чего хотят-то от парня?

— Да из УВД приехали, — со вздохом ответил бригадир. — Опять, наверное, из-за этого Троицкого!

— Нет, не за него! — уверенно отозвался Захаров.

Стрельников насторожился.

— Откуда знаешь?

— Знаю, Миш, знаю, я же сказал в уголовке, что это я этого козла завалил...

— Зачем соврал?

— А я, Миша, не соврал, в зоне таких гнид на раз останавливали, а этот хотел еще с твоим парнем посчитаться.

— А как же тело?

— А тело ищут прямо рядом с тобой! Под твоими окнами.

— А чего же тогда им надо-то? — заволновался Стрельников. — Слушай, останься за меня до утра, узнаю, что там с сыном, позвоню в райцентр.

— Конечно, в чем вопрос, Миш!

Мишка развалился на заднем сиденье УАЗа. Горная дорога и рычание двигателя быстро убаюкали его, и он провалился в сон.

Словно в кадрах из немого кино, перед ним предстали ребята из части. Все живые, веселые, устроившись в тени векового дерева, дружно машут ему руками — мол, иди, присядь рядом! Мишка направился к ним, но едва он сделал несколько шагов, как чья-то сильная рука опустилась ему на плечо. Мишка обернулся, позади стоял Гольцов: «Очнись парень, тебе туда нельзя!..»

— Эй, парень, очни-и-ись, — услышал сквозь дрему Мишка. Ефрейтор настойчиво теревил его за плечо и, когда тот приоткрыл глаза, облегченно выдохнул: — Ну ты и горазд поспать! Четыре часа как убитый! Вставай, приехали, Сергей Леонидович тебя ждет.

Мишка глянул в окно. Автомобиль стоял перед районной администрацией. Стрельников младший пришел в замешательство: что еще такого произошло, что сам глава, бывший первый секретарь обкома Гладышев захотел его лицезреть.

Гладышев самолично вышел навстречу Мишке и, приветствуя, протянул крепкую ладонь:

— Ну здравствуй, Михал Михалыч.

— Здравствуйте, Сергей Леонидович, — пожал Мишка руку главе. — Что случилось, зачем я вам понадобился?

— Тут, Миша, дело серьезное, — нахмурился глава. — Без тебя никак не обойтись. Ладно, сейчас сам все поймешь, пойдём.

Стройная секретарша принесла в кабинет чай с лимоном и поставила перед Стрельниковым. Через пару минут дверь в кабинет отворилась. Две женщины, одна пожилая, в черном платке и длинном платье, другая — держащая за руку девочку лет пяти, неторопливо прошли к столу и сели

напротив Михаила. Шустрая девчужка быстро взобралась матери на колени и с нескрываемым любопытством уставилась на Стрельникова.

— Здравствуй, сынок. Я тетя Гузель! — тихо произнесла женщина и взяла Мишку за руку. Слезы заблестели в ее глазах. Мишка растерялся и вопросительно глянул на Гладышева, тот кашлянул в кулак и поднялся из кресла. — Ну, вы тут пообщайтесь, сколько вам надо, а меня прошу простить, дела, понимаете!

— Я мама Саши Галимова, — продолжила женщина. — А это его жена Галия и дочь Зуля! Мы случайно узнали про тебя, долго обдумывали все и вот решили приехать! Ты последний, кто видел Сашу, а мы и не простились с ним по-людски, нам даже гроб не дали открыть!

У Мишки все перевернулось внутри:

— Простите, простите, пожалуйста! Ваш сын меня спас, а я, я вот здесь, а он... он!..

— Ты сынок, не кори себя, — успокаивала парня женщина. — Сапешка всегда был таким! Расскажи нам, как он погиб? Мы столько километров проехали, чтобы с тобой поговорить! Ты ведь единственный остался, уж не откажи.

Мишке не хотелось вновь переживать тот кошмар, но он не мог отказать матери командира.

— Я расскажу все как было, но это будет очень больно для вас! Вы уверены, что готовы к этому?

— Да, готовы! — твердо ответила Галия. — Дочь должна знать, как погиб ее отец. И его родные тоже имеют на это право!

Мишка задумался. С чего же начать, с какого момента рассказать этим людям о человеке, которому он в прямом смысле обязан жизнью?..

Домой Мишка вернулся подавленный.

— Мишенька! — встретила сына мать и вручила большой конверт. — Тебе заказное письмо.

— Мне? — удивился Мишка.

— Тебе, тебе! — донесся с кухни голос отца. — Ну иди, похвастай, что тебе за послание?

Мишка распечатал конверт. Внутри оказался последний снимок взвода перед боем. Мишка без объяснений, молча удалился в свою комнату. Вставив в магнитофон кассету, он надавил на «плэй», и из колонок зазвучал голос Талькова: «Я завтра снова в бой сорвусь...»

Мишка еще раз взглянул на фотографию. Двадцать четыре парня, двадцать четыре молодых солдата — и старший лейтенант Галимов.

Смотри, не забыл Скворцов! На оборотной стороне — адреса ребят и надпись: «Мишка, как и обещал, отправил всем нашим, не теряйтесь, весной жду на свадьбу!»

Надо как-то сообщить Скворцову, что нет ребят и некому приехать на его свадьбу! Он закрыл глаза, из колонок тихо лилась музыка, и Мишка впервые за все время разрыдался, разрыдался от безысходности, от своего бессилия изменить что — либо.

Покрытый рыжей пылью УАЗик въехал на территорию палаточного городка и, взвизгнув тормозами, остановился у БТР. Молодой офицер в камуфляже живо выпрыгнул из машины и окликнул Галимова:

— Товарищ старший лейтенант, где мне найти командование? Пакет из штаба.

Вытирая полотенцем лицо, из палатки вышел комбат:

— Что такое?

— Вам пакет! Примите, распишитесь.

Комбат поставил размашистую подпись и, закинув на плечо полотенце, кивнул Галимову:

— Пошли, глянем.

Гольцов вскрыл пакет, разложил на столе карту и внимательно прочел приказ с жирной печатью.

— Мать твою! — в сердцах вырвалось у комбата. — Они что там, совсем с ума посходили! Да кто этот маршрут составлял! Ты посмотри, и дураку понятно, что идти через это ущелье — все равно, что на верную гибель. Зона полного обстрела, мы же здесь как на ладони! Вот где пойдем, — ткнул пальцем в карту комбат.

Галимов нерешительно пожал плечами:

— А как же приказ? Вы же знаете, за такое по головке не поглядят, можно и под трибунал!

— Знаю, Саша, знаю! Только лучше под трибунал, чем под пули. Все! Вопросы не задавать, готовь ребят по-походному, через час выступаем. Да, вот еще, Скворцову скажи, чтобы собирался. Документы на ДМБ я ему подписал, тут подсказали, вертушка с трехсотыми уходит, с ними и отправим! Так что ему полчаса на сборы.

— Вы же сказали, что дембелей из Шатоя отправим!

— Телеграмма пришла, мать у него тяжело больна! Только ты ему пока не говори, потом, перед отъездом уже...

— Вас понял! Разрешите выполнять!

— Действуй!..

— Пацаны! — радостно приплясывая, подскочил к ребятам Скворцов. — Все, пацаны! Домой еду! Приказ пришел на дембель!

— Счастливчик, Шура! — улыбнулся Мишка и крепко обнял друга. — Удачи, братишка, попей там за нас!

— И девчонок помацай! — подхватил Мишку Жаров. — Скоро и мы попрем!

— Пацаны! — достал из кармана блокнот Шура. — Давайте адреса, телефоны. На гражданке соберемся как-нибудь, отметим это дело! Загудим! Я вас к себе на свадьбу приглашу! А сейчас! — Вынул из сумки «Зенит». — Прыгайте на БТР, сфотаемся на память!

— Это еще что?! — грозно рявкнул Галимов.

— Товарищ старший лейтенант, — радушно обратился к командиру Скворцов, — сфотайтесь с нами, дома родителям, невесте покажу, какой у меня командир!

Галимов окинул взглядом бойцов и снисходительно махнул рукой:

— Добро, только в темпе.

— Внимание! — присел на колено Скворцов, настраивая объектив. — Сейчас вылетит птичка!

— Ага, скворец! — пошутил Жаров, и ребята дружно рассмеялись.

Таковыми они и запечатлелись в кадре, веселые, с задорной улыбкой на лицах.

— Готовность десять минут! — громко скомандовал Галимов.

Из-за пригорка вынырнул БМП и, поднимая клубы пыли, понесся в сторону расположения Гольцова.

— Это еще кто? — вслух произнес комбат и на всякий случай махнул Галимову. — Будь начеку.

БМП остановился неподалеку. С брони соскочил крепкий боец и, на ходу отдавая честь, подбежал к комбату:

— Капитан Верхоплатов, спецназ-разведка! Буду сопровождать вас через ущелье.

— Маршрут знаете? — щурясь от солнца, спросил комбат.

— Знаю, позиция не самая удачная. Мы будем как на ладони.

— Не будем! — резко сказал комбат. — Я изменил маршрут. Пройдем мимо зеленки, сразу за ней скалы, территория хорошо просматривается, вероятность нападения или засады минимальная. Так что ты решай, капитан, с нами ты или нет?

— С вами, товарищ майор, — уверенно отчеканил капитан и, сдвинув на затылок берет, махнул своим: — В колонну.

Через десять минут колонна из БМП, БТРов и тяжелых грузовиков в полной боевой готовности двинулась в сторону виднеющихся вдали гор. Перед перевалом головную машину подрезал УАЗ, из которого выскочил майор в новеньком камуфляже.

— Кто приказал?! — выпалил офицер. — Поворачивай на маршрут!

— С кем имею честь? — злобно глянул на слащавого штабиста комбат. Тот протянул ему документ и настойчиво повторил вопрос: — Почему свернули с маршрута?

— Послушай, майор! — отвел штабиста в сторону комбат. — У меня пацаны необстрелянные, только вчера из учебки, еще ни разу в бою не были, и десять дмбелей. Мы в ущелье как на ладони будем, я отдал приказ изменить маршрут.

— Вы за это ответите!

— Отвечу, обязательно отвечу, только когда ребят в квадрат выведу.

— Пока лично не доложите командованию об изменении маршрута, колонна не тронется с места!

— Галимов, остаешься за старшего! Без меня — никуда! — запрыгивая в штабной УАЗ, прокричал комбат.

Как только машина скрылась из виду, майор подозвал Галимова и протянул ему предписание.

— Поворачивайте на маршрут, надеюсь, вам не следует объяснять, чем грозит невыполнение приказа в военное время! Это же измена, саботаж! Выполняйте, я вам приказываю!

Колонна повернула в сторону высокого горного массива. Минут через сорок головная БМП остановилась. Впереди простиралось ущелье, окруженное отвесными скалами. С БМП спрыгнул спецназовец и подбежал к Галимову:

— Ну что, ждать комбата будем?

— Некогда ждать, — вмешался в разговор штабной офицер. — Он нас догонит.

— Ну так что? — не обращая внимания на розовощекого штабиста, переспросил спецназовец. Галимов осмотрел в бинокль горные склоны, кустарники, что старательно цеплялись корнями за камни, и махнул рукой:

— Выдвигаемся, всем быть начеку!

— Добро, старлей! — поправил ремень автомата спецназовец. — Я буду в голове колонны, ребят своих предупреди, чтоб не спали! Место опасное. Ну, бывай, старлей!

— Удачи, спецназ! Отделение, к бою! Оружие наизготовку! — скомандовал Галимов и надел защитный шлем.

БМП пыхнул едким запахом соляры и осторожно тронулся с места. За ним, сохраняя положенную дистанцию, пополз по ущелью БТР, а следом потянулась и вся колонна.

Мишка сидел в кузове «Урала» почти в самом хвосте колонны. Техника уже вступила на дорогу в замыкающей фургон. Вслед за взрывами с гор слышались пулеметные очереди. Раскидывая огонь, сорвались в ущелье два подбитых БТРа из середины колонны. Мишка выпрыгнул из машины и, передернув затвор автомата, дал очередь в зеленку.

— Стоять! Кто отдал приказ! Назад, всем назад!

Головная БМП спецназа была уже у выхода из ущелья. Казалось, что опасность миновала, но не прошло и минуты, как раздался пронзительный свист.

— Из машин!!! Бегом из машин!!! — заорал комбат.

В следующую секунду взрыв содрогнул ущелье и разнес головную БМП, второй угодил в замыкающий фургон. Вслед за взрывами с гор слышались пулеметные очереди. Раскидывая огонь, сорвались в ущелье два подбитых БТРа из середины колонны. Мишка выпрыгнул из машины и, передернув затвор автомата, дал очередь в зеленку.

— Куда! — кричал комбат на новобранцев, которые испуганно прятались под колеса грузовиков. — За броню бегом!!!

В воздухе засвистели автоматные пули и, словно град, обрушились на колонну.

— Отходи за БТР!!!

Шквал огня накрыл колонну с обеих сторон. Ущелье затянуло черным дымом.

Мишка хотел отбежать в сторону, но сильная рука комбата отдернула его назад:

— Куда, Стрельников?!

— Нас за дымом не видно!

— Пока позицию не меняй, живым останешься.

Мишка обернулся, камуфляж комбата был пропитан кровью.

— Вы ранены, товарищ майор? — взволнованно спросил Стрельников. Комбат прислонился спиной к БТР и устало взглянул на бойца:

— Собери всех, кто остался, и пробивайтесь к выходу!

— А вы, товарищ комбат?

— Выполняйте приказ, Стрельников, может, хоть пару ребят из этой мясорубки вытащишь! Вперед! Иди, Миша, давай, дорогой, уводи ребят. Я прошу тебя, иди, сынок, уходи! Я вас прикрою!

Мишка отполз от БТРа, живых вокруг не было, только обожженные и искалеченные трупы. До боли закусив губу, он пополз дальше. Из колонны отстреливались, слышались крики, маты. Из-за перевернутой кабины за клубами дыма показался Галимов.

— Товарищ... Александр Юрич! — окликнул командира Мишка.

— Двигай сюда, Стрельников! — прохрипел Галимов.

— Комбата видел?

— Так точно, он ранен, приказал выводить ребят!

— Ну так выполняй!

Разрезая воздух, буквально в нескольких шагах от них в землю вонзилась артиллерийская мина. Командир с силой отпихнул Стрельникова и всем телом навалился на снаряд. Взрывной волной Мишку отбросило в сторону и оглушило. Когда он пришел в себя, то кинулся к неподвижно лежащему командиру:

— Товарищ старший лейтенант, вы живы?

Он осторожно перевернул Галимова, и ком подступил к горлу. Лицо и верхняя часть туловища были обезображены осколками, густая кровь сочилась из рваных ран.

— Мама!.. Мамочка!.. — сквозь грохот боя донеслось до Стрельникова.

Он прополз несколько метров и увидел бойца. Тот лежал на левом боку, прижимая к груди ноги.

— Зацепило? — спросил Мишка, но боец не слышал, видимо, был контужен. Стрельников подполз ближе и, ухватив парня за ворот, поволок за собой. Кругом лежали убитые, от запаха гари и свежей крови его так и тянуло вырвать.

До спасительного подъема оставалось метров пятьдесят, но преодолеть это расстояние под плотным огнем казалось невыполнимой задачей. Однако выбора не было: либо остаться здесь среди груды тел и искореженной техники, либо попытаться вывести оставшихся в живых и спастись самому.

— За мной, бегом! — скомандовал он и, взвалив на плечо раненого, короткими перебежками направился в сторону вершины. Каких-то несколько метров отделяло Мишку от спасительного рубежа, когда за спиной прогремел взрыв, и он потерял сознание...

— Что там за шум у Мишки в комнате? — строго взглянул на супругу старший Стрельников. — Случилось чего?

— Не знаю! — пожалала она плечами. — Пойду узнаю, да и ты, отец, в конце концов, поговорил бы с ним по-мужски!

— Поговорю... — тяжело вздохнул Стрельников и поднялся со стула. — А ты сходи как мать, глянь! А то на меня он может обидеться. Мол, сует свой нос, куда не надо...

Вероника Александровна подошла к комнате сына и легонько постучала в двери. Дверь со скрипом отворилась, и она, громко вскрикнув, рухнула на пол.

...В квартире Захаровых раздался телефонный звонок.

— Mam, подойди, — крикнул из комнаты Алексей.

Нина Олеговна подняла трубку:

— Захарова, слушаю! Да, да, как?! Нет, не может быть...

— Ma, кто? — высунулся из комнаты Алексей. — Меня?

Нина положила трубку и отвернулась:

— Мишка повесился... — проговорила тихо, как не своим голосом.

Хоронили Мишку на старом кладбище в двух километрах от поселка. Погода с утра в конец испортилась — подул студеный ветер, а к обеду крупными хлопьями сорвался снег, вынудив всех влезть в теплые пуховики и куртки, только отец Мишки будто не чувствовал мороза, стоял у гроба в свитере и молча смотрел на бледное лицо сына. Вероника Александровна глухо плакала. За эти дни она сильно сдала и совсем не походила на ту энергичную женщину, какой ее знали в поселке.

Все по очереди простились с Мишкой. Стрельников достал фотографию и положил в гроб.

— Нельзя же! — шепнул кто-то за спиной. — Грех класть фотографию в гроб, там ведь столько народу!

— Нет на ней живых! — вздохнул мужчина. — Погибли ребята. Всем взводом... Это они его к себе и позвали.

— Господи! — зарыдали за его спиной женщины. — Мальчишки ведь совсем!

Поминки прошли тихо и быстро. Помянув Мишку, народ расходился. Последним ушел Лешка. Все это время он молчал и, тайком утирая слезы, пил, не закусывая.

Когда Вера Александровна отошла от успокоительного и снотворного, она прошла по опустевшим комнатам, но мужа дома не нашла. Он сидел у костра во дворе. Рядом на старом табурете стояла бутылка водки и стакан.

— К-х-к-х, — услышал Стрельников за спиной и, не оборачиваясь, бухнул в стакан водки:

— Чего стоишь, проходи! Выпей, сына моего помяни.

— Ты прости меня, Михаил Михайлович, что в такой день пришел к тебе, — неловко произнес военком. — Дело у меня.

— Пей, ты же сам воевал!

Подполковник залпом выпил стакан и, не закусывая, присел на скамейку рядом со Стрельниковым.

— Вот скажи мне, — монотонно произнес бригадир, — за что они там воевали? За что погибли пацаны, чьи интересы они там защищали?

Военком пожал плечами:

— Я, Миша, уже давно ничего не понимаю, раньше все было ясно и понятно, здесь свои, там чужие! А сейчас...

— Ты чего приехал-то?

Военком полез в карман шинели и, вынув оттуда небольшой красный футляр, протянул другу:

— Награда твоему Мишке пришла...

— Награда? — уронил голову Стрельников. — Кому? Кто его вернет? Может, если бы на войне убили, не так на душе было бы паскудно.

— Крепись, Миша... — строго вздохнул военком. — Давай еще по одной за помин, да поеду я. Ты прости Миша, пора!

Почти двое суток Стрельников не спал. Мрачно сидел у окна, курил одну за другой, а между перекурами запивал горький сигаретный дым водкой. Он просто молчал, но молчал так, что у супруги в душе все перерачивалось.

На третий день рано утром Вера проснулась от странной возни на кухне. Она поднялась и, тихо ступая по коридору, заглянула в комнату:

— Ты чего это, Миш?

Стрельников собирал рюкзак, в углу стояла его старенькая двустволка.

— Пойду, Верочка, по тайге похожу, развеюсь! — обнял он жену.

— Сходи, Миша! — бережно поцеловала она его небритую щеку.

— А ты ляг, поспи еще. И не терзай ты себя, смотреть на это не могу.

— У меня все нормально, Миша, ты не волнуйся, я крепкая, а за тебя страшно, сгоришь ведь!

Стрельников вышел из дома и, забросив за спину рюкзак, направился к лесу, который находился метрах в ста, а еще через пятьдесят поднималась сопка. Михаил взобрался на вершину, присел на заснеженную траву и закурил.

Небольшой поселок старателей лежал у подножия как на ладони:

маленькие домики, узкие улочки... Мало что изменилось здесь с того дня, когда он впервые его увидел. Добив очередную сигарету, Стрельников поднялся и пошagal дальше. Спустившись в низину и пройдя несколько километров, он вышел к поселковому кладбищу. На открытом месте холод был куда ощутимее. Землю уже прихватило морозом, сдуло последнюю хвою с лиственниц и стянуло льдом небольшие болотца.

Стрельников прошел к Мишкиной могиле, достал из рюкзака фляжку, два ломтя хлеба и два стакана. Налил до краев водки:

— Ну что, сынок, со свиданьем! Спи спокойно, Мишенька!

Мужчина выпил, вдохнул морозный воздух и поставил стакан.

— А я чего пришел-то, Миш! — Будто спохватился отец и достал из кармана медаль. — Тебе вот тут награда пришла! Тебе и твоим однополчанам...

Немного помолчав, он строго взглянул в небо:

— Все вместе теперь, значит, ребятаки?.. А это ваша общая медаль... Одна на всех... — Стрельников поглядел землю возле креста. — Вот и закончилась, Мишенька, твоя война! Или чья она, если по вести, по-мужски?..

...Перед роддомом стояло около десятка машин. УАЗы, «Волга» и самосвалы словно пытались приступом взять небольшое здание.

— Ну что? — взволнованно поглядывал на часы Стрельников.

— Да ты не сомневайся! — подбадривал его бригадир. — Валера Захаров — человек слова: сказал — сделает! Раз обещал, будет тебе гора цветов! Этот разобьется, а достанет!

— Папаша! — вышла на крыльцо молоденькая медсестричка и, окинув взглядом праздничную толпу старателей, расплылась в добродушной улыбке. — Кто папаша?

— Не папаша, а отец! — поправил девушку бригадир и похлопал Михаила по плечу. — Ну иди, к жене иди, к сыну!

Затаив от волнения дыхание, Стрельников прошел за медсестрой в выписную комнату.

— Ожидайте, отец, — важно произнесла девушка.

У новоиспеченного папаша подгибались колени: не каждый день жену из роддома забираешь.

Двери отворились, и вышла Вера, словно Мадонна с младенцем на руках. Никогда еще не видел Стрельников свою жену такой прекрасной. Он стоял как зачарованный, и глупо улыбался.

— Ну что как вмерз в пол, бери сына! — подпихнул его в бок Захаров и сунул в руку Михаилу букет роз. С шипами. Но этого тот даже не ощутил.

— А это вам, девушки! — поставил Валерка на пол перед медсестрами корзину конфет и ящик шампанского. — Первый старатель в нашей артели родился! А то все одни девки шли потоком!

Михаил взял мальчика на руки...

— На меня похож, вылитый!

Когда вышли на улицу, от удивления все открыли рты: крыльцо и дорога до «Волги» была устлана алыми розами.

— Поз-дра-вля-ем! — громко прокричали старатели, и воздух замерцал брызгами шампанского.

Стрельников прижал сына к груди и тихо шепнул: «Вот, сынок, с новосельем тебя на этой земле! Смотри, Мишенька, сколько прекрасных людей тебя здесь встречают! Пожалуйста, будь счастлив на этот раз...»